

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ

Письма

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-классика. Non-Fiction

Плиний Младший
Письма

«Азбука-Аттикус»

100-113 гг. н.э.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Плиний Младший

Письма / Плиний Младший — «Азбука-Аттикус», 100-113 гг.
н.э. — (Азбука-классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-24183-1

Немало сведений о Риме первого века нашей эры дошли до нас благодаря письмам Плиния Младшего (ок. 61-113/114). Его после ранней смерти отца усыновил дядя — Плиний Старший, создатель знаменитой «Естественной истории». Юноша получил прекрасное образование, что позже позволило ему занимать значительные должности в Риме и провинциях. Он практиковал как адвокат при трех императорах — Домициане, Нерве и Траяне. С последним он состоял в переписке, равно как и со своими учеными современниками — Светонием, Марциалом, Тацитом. Плиний Младший сам сгруппировал письма в книги для публикации, вероятно осознавая важность для истории этих свидетельств. Так что любознательный читатель и сегодня, почти две тысячи лет спустя, может узнать из них о первых общинах христиан, об извержении Везувия в августе 79 года, стоившего жизни Плинию Старшему, о повседневных мелочах римской жизни, об устройстве государственной власти и многом другом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-389-24183-1

© Плиний Младший, 100-113 гг. н.э.
© Азбука-Аттикус, 100-113 гг. н.э.

Содержание

Книга I	6
Книга II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Плиний Младший Письма

Азбука-классика. Non-Fiction

PLINIUS MINOR
(GAIUS PLINIUS CAECILIUS SECUNDUS)
EPISTULAE

Перевод с латинского Аристида Доватура, Марии Сергеевко

© М. Е. Сергеевко (наследник), перевод, статья, примечания, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Книга I

1

Плиний Септицию¹ привет.

(1) Ты часто уговаривал меня собрать письма, написанные несколько тщательнее, и опубликовать их. Я собрал, не соблюдая хронологического порядка (я ведь не писал историю), а как они попадались под руку². (2) Только бы ты не раскаялся в своем совете, а я в своей уступчивости. Теперь я поищу те, что забросил, и ее буду прятать, если еще что напишу. Будь здоров.

2

Плиний Арриану¹ привет.

(1) Я предвижу, что ты задержишься со своим приездом, и потому предлагаю тебе книгу, которую обещал в прежних письмах. Прочти ее, пожалуйста, и, по своему обычаю, внеси поправки², – потому особенно, что я, кажется, до сих пор ничего не писал с таким ζήλω¹. (2) Я пытался подражать, по крайней мере в оборотах речи, Демосфену, твоему любимцу всегда, и Кальву, моему с недавних пор; силы таких ораторов могут достичь «немногие, кого справедливый»...³⁴ (3) Материал вполне подходил для такого соревнования (боюсь за дерзкое слово): почти вся речь исполнена пафоса⁵: она пробудила меня от длительной спячки, если только я способен пробуждаться. (4) Не пренебрег я и ληϊύθοις² нашего Марка: я неизменно чуть-чуть сворачивал с дороги, когда уместно было украсить ими речь: я ведь хотел, чтобы речь потрясла людей, а не навела на них тоску.

(5) Не думай, что этой оговоркой я прошу снисхождения. Чтобы еще усилить твою правку, я тебе признаюсь: и меня самого, и моих сотоварищей не отпугивает мысль о ее издании⁶⁷, если только ты благосклонно отнесешься к этой, может быть, нелегкой затее. (6) Надо, конечно, что-нибудь издать – лучше бы уже готовое – (молитва лентяя), – надо издать по множеству причин, а главное, потому, что люди не выпускают из рук книжек, мной изданных, хотя они и утратили прелесть новизны. Книгопродавцы, может быть, только говорят мне приятные слова. Пусть, впрочем, говорят, если эта ложь заставляет меня работать. Будь здоров.

3

Плиний Канинию Руфу¹, привет.

(1) Ну как Комо, наша с тобой радость? и прелестная пригородная вилла? портик, в котором всегда весна? аллея платанов с ее густой зеленью? канал с водой, отсвечивающей зеленью? Пруд внизу? он к нашим услугам? А та дорожка с землей плотной, но мягкой для ноги? а баня, круглый день залитая солнцем? столовые для большого общества и те, что лишь для некоторых? комнаты, где ты проводишь день, и спальни?² (2) Они завладели тобой и передают, чередуясь, одна другой? Или тебя, внимательного хозяина, отвлекают обычные твои частые разъезды по имению? Если завладели тобой – счастливый ты человек, а если нет, ты «один из многих»³.

(3) Почему ты (уже пора) не поручишь эти низменные мелкие заботы другим⁴ и в этом глубоком полном уединении целиком не отдашься занятиям? им твой труд, им досуг; им работа и отдых, бдение и сон. (4) Создай, выкуй, что останется твоим навеки! Остальные твои владения после тебя не раз переменят хозяина; это, став твоим, никогда быть твоим не перестанет.

¹ Усердием.

² Лекифами.

Я знаю, к какой душе, к какому дарованию обращаюсь я со своими увещеваниями; ты только постарайся понять сам, чего ты стоишь; если ты это поймешь, поймут и другие. Будь здоров.

4

Плиний Помпее Целерине¹, своей теще, привет.

(1) Всего у тебя полно в имении под Окрикулом, да и под Нарнией, и под Карсулами, и под Перузией!² В имении под Нарнией даже баня³. Из писем моих (твоих уже не нужно) хватит одного старого и короткого. (2) Клянусь Геркулесом, я больше дома у тебя, чем у себя. Есть, однако, разница: твои домочадцы принимают меня с большей заботой и вниманием, чем мои. (3) Может быть, так же будет и с тобой, если ты когда завернешь к нам. Я очень этого хотел бы; увидишь, у меня ни в чем тебе не будет отказа, как и мне у тебя не было, а затем пусть мои домочадцы, которые ожидают меня в пренебрежительном спокойствии, несколько встре- пенутся. (4) У добрых хозяев рабы отвыкают бояться. Новые лица заставляют их очнуться, и они стараются получить одобрение хозяев за службу не им, а другим. Будь здорова.

5

Плиний Воконию Роману¹ привет.

(1) Видел ты такого перепуганного и присмирившего человека, как М. Регул после смерти Домициана? Преступлений при нем совершал он не меньше, чем при Нероне, но не так открыто². Ему стало страшно моего гнева – и не зря: я разгневан. (2) Он взлелеял гибель Рустика Арулена и так радовался его смерти, что прочитал и опубликовал сочинение, в котором нападал на Рустика; назвал его «обезьяной стоиков» и еще добавил «заклейменный Вителлиевым шрамом»³ – ты узнаёшь красноречие Регула. (3) Геренния Сенециона он поносил так неистово, что Меттий Кар сказал ему: «Какое тебе дело до моих мертвецов? Разве я беспокою Красса или Камерина?»⁴ (4) (Регул донес на них при Нероне). Он считал, что все это мне тягостно, и поэтому даже не пригласил на свое чтение. (5) А кроме того, он вспомнил, как приставал ко мне у центумвиров⁵ с расчетом меня погубить. Я помогал по просьбе Арулена Рустика, Аррионилле, жене Тимона⁶; Регул выступал против. Я в этом деле частично опирался на мнение Меттия Модеста⁷, человека прекрасного. Он тогда находился в ссылке; был выслан Домицианом. И вот тебе Регул: «Скажи, Секунд, – обращается он ко мне, – что ты думаешь о Модесте?» Ответь я «хорошо» – гибель; ответь «плохо» – позор. Могу сказать одно: боги мне помогли. «Я отвечу, если об этом будут судить центумвиры». Он опять: «Я спрашиваю, что ты думаешь о Модесте?» – (6) «Свидетелей, – ответил я, – обычно спрашивают о подсудимых⁸, а не об осужденных». Он в третий раз: «Я спрашиваю, что ты думаешь не о Модесте, а о его лояльности?» (7) «Ты спрашиваешь, что я думаю? Я считаю, что не дозволено даже обращаться с вопросом о том, о ком уже принято решение». Он замолчал; меня хвалили и поздравляли: я не повредил своему доброму имени ответом, хотя бы мне и полезным, но бесчестным, и не угодил в силоч, расставленный таким коварным вопросом.

(8) Теперь, сознавая свою вину, он в перепуге хватает Цецилия Целера, сразу за ним Фабия Юста⁹ и просит их помирить меня с ним. Мало того, приходит к Спуринне¹⁰ и униженным образом (как всегда, когда он боится) молит его: «Молю тебя, пойди утром к Плинию, только совсем утром (я не в силах больше терпеть это беспокойство); каким угодно способом добейся, чтобы он на меня не сердился». (9) Я уже не спал; от Спуринны посол: «Я иду к тебе». – «ни в коем случае: я к тебе». Мы направились друг к другу и сошлись в портике Ливии¹¹, Спуринна излагает поручение Регула, добавив свою просьбу – скупую, как и полагается просить достойному человеку за негодя. (10) «Смотри сам, что, по-твоему, ответить Регулу. Мне не пристало обманывать тебя: я жду Маврика¹² (он еще не вернулся из ссылки) и не могу

тебе ответить ни „да“ ни „нет“; я буду поступать, как он решит: он тут глава, мне подобает идти за ним следом».

(11) Несколько дней спустя Регул встретился со мной в тот день, когда мы поздравляли претора¹³; занятый старым, он отводит меня в сторону и говорит: он боится, что у меня глубоко в душе засели слова, сказанные им однажды на суде центумвиров, когда он отвечал мне и Сатрию Руфу¹⁴: «Сатрий Руф, который не состязается с Цицероном и доволен современным красноречием». (12) Я ответил, что сейчас, после его признания, я понимаю его колкость, но ведь слова эти можно истолковать и в почетном смысле. «Да, – говорю я, – я состязаюсь с Цицероном, я недоволен современным красноречием и считаю крайней глупостью выбирать для подражания не самое лучшее. А раз ты помнишь этот случай в суде, почему же ты забыл о другом, когда ты меня допрашивал, что я думаю о лояльности Меттия Модеста?» Он заметно побледнел – хотя и вообще бледен – и, запинаясь, пробормотал: «Я спрашивал во вред не тебе, а Модесту». Какая жестокость в человеке! Он не скрывает своего желания навредить сосланному. (14) И вот замечательная для того причина: «Он ведь написал в одном письме, читанном у Домициана: „Царек, негоднейший из всех двуногих“», – сущую правду написал Модест¹⁵.

(15) На этом кончилась наша беседа; я не захотел ее продолжать, чтобы ничем не связать себя до приезда Маврика. Я прекрасно понимаю, что Регул *δυσχεαίρετος*³: он богат, влиятелен, многие за ним ухаживают, еще больше тех, кто его боится: страх обычно сильнее любви. Может, однако, случиться, что все это пошатнется и рухнет: преданность негодяев так же ненадежна, как они сами. (16) Повторяю опять, я жду Маврика. Он человек основательный, разумный, многими испытаниями многому наученный, способный по прошлому предвидеть будущее. По его указанию я или что-то попытаюсь сделать, или буду сидеть смирно. (17) Я написал тебе об этом потому, что по нашей взаимной любви надлежит тебе знать не только о том, что я делаю и говорю, но и о том, что собираюсь сделать. Будь здоров.

6

Плиний Корнелию Тациту привет.

(1) Ты будешь смеяться – смейся, пожалуйста. Я – вот этот я, которого ты знаешь, взял трех кабанов – и превосходных. «Сам?» – спрашиваешь ты. Сам, пребывая, однако, в своей обычной спокойной неподвижности. Я сидел у тенет, рядом были не рогатины и копыта, а стиль и дощечки¹²; я что-то обдумывал и делал заметки, чтобы вернуться домой если и с пустыми руками, то с полными табличками. (2) Не пренебрегай таким способом работы: ходьба, движение удивительно возбуждают душу; а леса вокруг, уединение, само молчание, требуемое охотой, побуждают к размышлению.

(3) Потому, когда пойдешь на охоту, вот тебе мой совет: бери с собой не только корзиночку с едой и бутылку, но и дощечки: узнаешь, что Минерва бродит по горам не меньше, чем Диана. Будь здоров.

7

Плиний Октавию Руфу¹ привет.

(1) Смотри, на какую высоту ты меня поставил, уделив мне такую же царственную власть, какую Гомер Юпитеру сильнейшему величайшему:

τῷ δ' ἔτερον μὲν ἔδωκε πατήρ, δ' ἔτερον ἀνένευσε⁴.

и я ведь могу на твое желание ответить подобным же кивком и в знак несогласия отрицательно покачать головой. (2) И если я еще могу, особенно по твоей просьбе, оправдаться перед жителями Бетики в том, что я не буду их защитником в тяжбе против некоего человека,

³ Которого трудно уловить.

⁴ «Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул» (Илиада, XVI, 250; перевод Н. И. Гнедича).

то выступить против провинции, любовь которой я приобрел, оказав ей столько услуг, столько для нее, даже с риском для себя, потрудившись²³, – это противно моим правилам неизменной верности (а ты это ценишь). (3) Я пойду средним путем: из двух твоих просьб (ты просишь исполнить какую-нибудь одну) я выберу ту, которой удовлетворю не только твое пристрастие, но и твое здоровое суждение. Для меня важно не то, чего ты, человек хороший, хочешь в данную минуту, а то, что ты всегда сможешь одобрить.

(4) Я надеюсь около октябрьских ид⁴ быть в Риме и лично подтвердить это Галлу⁵ твоим и моим словом. За меня ты можешь и сейчас ему поручиться:

ἡ καὶ ἰουανέσιον ἐπ' ὀφρῦσι νεῦσε⁵.

Почему, в самом деле, мне и не разговаривать с тобой стихами из Гомера, пока ты не позволишь разговаривать твоими. А я горю желанием их иметь. (5) Пожалуй, это единственная взятка, которой можно было меня подкупить и заставить выступить против Бетики.

(6) Почти упустил из виду то, чего никак не следовало упускать: я получил великолепные финики, которым теперь придется поспорить с винными ягодами и грибами. Будь здоров.

8

Плиний Помпею Сатурнину привет.

(1) Очень кстати мне вручили твое письмо, в котором ты требуешь прислать тебе что-нибудь из моих писаний. Я и сам намеревался это сделать. Ты дал шпоры коню, который бежит по собственной охоте, и разом уничтожил необходимость – для себя просить прощения за отказ от работы, а для меня извиняться за требование ее. (2) Не следует мне стесняться и не брать того, что предложено, а тебе тяготиться тем, чего сам домогался. Не ожидай, однако, чего-нибудь нового от человека, любящего безделье. Я собираюсь тебя попросить: удели мне время опять для той речи, которую я держал своим землякам перед открытием библиотеки¹². (3) Я помню, у тебя уже были какие-то замечания, касающиеся частностей; поэтому сейчас я прошу тебя, займись ею не только в целом, но пройдишь даже по отдельным параграфам и отшлифуй их так, как это у тебя в обычае. И после исправления от меня ведь будет зависеть, издать эту речь или оставить ее лежать. (4) И может быть, итоги исправления покончат с моими колебаниями и приведут меня к определенному решению: или недостойной издания найдет эту речь неоднократный пересмотр, или он сделает ее достойной, – над чем я и стараюсь.

(5) Колебания мои вызваны не качеством моих писаний, а содержанием их. Тут есть слабый привкус как бы самохвальства и превозношения, и меня при моей скромности это тяготит. Пусть я буду говорить сжато и просто, но все же я вынужден толковать и о щедрости своих родителей³, и о своей собственной, а это тема опасная и скользкая, хотя говорить о близких и соблазнительно. (6) И если хвалу посторонним выслушивают обычно с некоторой досадой, то как трудно сделать, чтобы речь человека, повествующего о себе и о своих, не показалась и вовсе несносной! Мы завидуем нравственному благородству, но гораздо больше тому, что его прославляют и не судим вкривь и вкось только о добрых делах, укрытых молчанием и мраком. (7) Потому я часто думал: ради себя только составил я эту речь (что бы она собой ни представляла) или это мой долг и перед другими? «Ради себя»: в этом меня убеждает то обстоятельство, что большинство поступков, необходимых в каком-то деле, по завершении его кажутся бесполезными и не стоящими благодарности.

(8) Не будем искать примеров дальше. Что было бы полезнее сочинения о смысле и значении щедрости? Оно дало бы мне возможность, во-первых, спокойно заняться размышлениями о высоком и достойном, затем, длительно всматриваясь, вникнуть в их красоту и наконец избавиться от раскаяния, сопровождающего внезапную щедрость. Эти мысли упражняли бы в презрении к деньгам. (9) Природа оковала людей стремлением сберечь их; с меня же, много

⁵ «Рек и во знаменье черными Зевс помавает бровями» (Илиада, I, 528; перевод Н. И. Гнедича).

и долго думавшего над тем, что такое щедрость, любовь к ней сняла цепи скупости, весьма весомые. Моя щедрость, казалось бы, заслуживает тем более похвалы, что меня влечет к ней не бессмысленный порыв, а размышление.

(10) Вдобавок к этому я обещал ежегодно выдавать сумму не на театральные представления и не на гладиаторов, а на содержание свободнорожденных детей⁴. Представления, услаждающие глаз и ухо, не нуждаются в рекомендации: тут людей надо не возбуждать словом, а скорее сдерживать; (11) чтобы человек охотно взял на себя докучный труд воспитания, этого следует добиваться не только наградами, но и особо подобранными увещаниями. (12) Врачи предписывают здоровую, но невкусную пищу с ласковыми уговорами; тем более приличествует замыслившему одарить общество даром полезнейшим, но не столь приятным, представить его в речи вежливой и любезной – еще и потому особенно, что я старался получить одобрение дару, предназначенному отцам, и от людей бездетных: пусть чести, оказанной немногим, остальные терпеливо дожидаются, стараясь ее заслужить. (13) Тогда, однако, я больше беспокоился об общем благе, чем о самолюбии отдельных лиц: я хотел, чтобы цель и значение моего дара были поняты; теперь же, издавая свою речь, я боюсь, не показалось бы, что я потрудился не для чужой пользы, а для собственного прославления.

(14) А затем я помню, насколько выше считать наградой за благородный поступок не молву, а сознание сделанного. Слава должна прийти сама, ее нечего искать, а если случайно она и не придет, то поступок, заслуживший славу, все равно останется прекрасным. (15) Те, кто украшает словами свои благодеяния, совершают их, по-видимому, ради того, чтобы разгласить о них. Поступок, в рассказе свидетеля великолепный, в оценке самого совершившего бледнеет. Люди, не будучи в силах разрушить сделанное, придираются к похвальбе им. Если о твоём поступке лучше умолчать, они корят поступок; если ты не молчишь о том, что стоит похвалы, они обвиняют тебя самого.

(16) Есть еще особая причина, меня удерживающая. Я говорил эту речь не перед народом, а перед декурионами и не на площади, а в курии⁵. (17) Боюсь оказаться непоследовательным: при моем выступлении я хотел избежать громкого одобрения и согласия толпы; теперь, издавая свою речь, я ищу его. А я ведь не пустил этот самый народ, о котором заботился, на порог курии, чтобы не показалось, будто я перед ним как-то заискиваю; теперь же явно угодничаю даже перед теми, для кого мой дар имеет значение только примера.

(18) Вот тебе причины моих колебаний; я послушаюсь, впрочем, твоего совета: твой авторитет заменит для меня размышления. Будь здоров.

9

Плиний Миницию Фундану¹ привет.

(1) Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней – окажется, ничего ты не делал. (2) Спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия², был на сговоре или на свадьбе³. Один просил меня подписать завещание⁴, другой защищать его в суде, третий прийти на совет»⁵. (3) Все это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: «сколько дней потратил я на пустяки!»

(4) Так бывает со мной, когда я в своем Лаврентийском поместье что-то читаю, или пишу, или даже уделяю время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу. Я и не слушаю и не говорю того, в чем пришлось бы потом каяться; (5) никто у меня никого не злословит; никого я не браню, разве что себя за плохую работу; ни надежда, ни страх меня не тревожат, никакие слухи не беспокоят; (6) я разговариваю только с собой и с книжками. О правильная,

чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела! море, берег, настоящий уединенный *μονοεῖον*⁶, сколько вы мне открыли, сколько продиктовали!

(7) Оставь же при первой удобной службе этот грохот, пустую болтовню, нелепейшие занятия; сохрани себя для литературы и предайся досугу! лучше ведь, по остроумному глубокомысленному слову нашего Атилия, «ничем не заниматься, чем заниматься ничем». Будь здоров.

10

Плиний Аттию Клементу⁶¹ привет.

(1) Никогда в нашем городе умственная жизнь так не была ключом, как сейчас: примеров тому много, и они известны, но достаточно одного – я упомяну только философа Эвфрата².

(2) Когда я юношей был на военной службе в Сирии³, я хорошо пригляделся к нему у него в доме и постарался, чтобы он полюбил меня. Стараться, впрочем, нужды не было: сам он идет навстречу, он доступен и полон той доброты, которой учит. (3) О, если бы я в той же мере осуществил надежды, которые он тогда возлагал на меня, в какой он возрос в своих добродетелях! Или я сейчас им удивляюсь больше потому, что больше их понимаю. (4) И сейчас, впрочем, понимаю не вполне: как о художнике, скульпторе, резчике может судить только мастер, так и мудреца может постичь только мудрец.

(5) В Эвфрате, насколько мне дано судить, много черт выдающихся и блестящих; даже на людей малообразованных они производят впечатление. В его рассуждениях есть тонкость, основательность, изящество; часто даже что-то от Платоновой высоты и размаха. Речи его богаты и разнообразны по содержанию, и, главное, они сладостны и заставляют соглашаться даже противников. (6) А к этому еще высокий рост, красивое лицо, отпущенные волосы, большая седая борода. Пусть все это несущественно и неважно, но все-таки это вызывает к нему почтения еще больше. В одежде ничего отпугивающего, ничего мрачного, но она очень строгая; при встрече с ним почувствуешь почтение, но не испугаешься⁴. (7) Жизнь совершенно святая, доброта совершенная: он преследует пороки, но не людей; заблуждающихся не корит, но исправляет. Следи со всем вниманием за его увещаниями, – и хотя ты уже убежден, но тебе хочется, чтобы тебя еще убеждали. (8) У него трое детей – двое мальчиков, которых он тщательно воспитывает⁵. Его тесть, Помпей Юлиан⁶, человек, проживший большую и славную жизнь; возвеличить и прославить его, впрочем, могло уже то, что он, первый человек в провинции, выбрал среди людей высокого ранга в зятя себе первого не по званиям, а по мудрости.

(9) Но зачем я так много говорю о человеке, обществом которого мне не дано пользоваться? Чтобы еще больше тосковать от того, что не дано? Я завален работой по службе, очень важной и очень тягостной⁷: сижу перед трибуналом, подписываю отчеты, составляю счета, пишу много писем, не думая об их литературной отделке. (10) Иногда (часто ли это удастся) я жалуюсь на эти занятия Эвфрату. Он утешает меня и утверждает даже, что философия в лучшем своем отделе учит служить обществу: расследовать, творить суд, выявлять справедливость значит осуществлять на практике то, чему она учит. (11) В одном только он не может убедить меня: будто заниматься всем этим лучше, чем проводить с ним целые дни, слушая и поучаясь.

Поэтому я тебе, человеку свободному, настоятельно советую: как только ты приедешь в Рим (и приезжай ради этого поскорей), вручи ему себя для окончательного усовершенствования. (12) Я не завидую, как большинство, чужому счастью, которого лишен сам, а наоборот: испытываю некоторое удовольствие, что друзьям моим досталось то, в чем мне отказано. Будь здоров.

11

Плиний Фабию Юсту привет.

⁶ Храм муз.

(1) Давно от тебя ни одного письма. «Не о чем писать», – говоришь ты. Вот это самое и напиши: «нечего было писать» – или только ту фразу, с которой обычно начинали наши предки: «если ты здоров, хорошо; я здоров». С меня этого хватит: это ведь самое главное. Думаешь, шучу? Я прошу всерьез: уведоь, как живешь. Не зная этого, я не могу не быть в величайшей тревоге. Будь здоров.

12

Плиний Калестрию Тиرونу¹ привет.

(1) Тяжкая постигла меня утрата: я лишился такого человека, как Кореллий Руф². Он умер, умер добровольно, и это растравляет мое горе. Особенно ведь скорбишь о смерти, которую не считаешь естественной и предопределенной. (2) Неизменным и великим утешением в смерти людей, скончавшихся от болезни, служит ее неотвратимость; о тех, кто сам призвал смерть, горюешь неисцелимо, ибо веришь, что они могли еще долго жить. (3) Кореллия подвиг на это решение разум³; люди мудрые повинуются разумному, а не неизбежному. А у него было много причин жить: сознание незапятнанного прошлого, незапятнанное имя, большая авторитетность, а затем еще дочь, жена, внук, сестры и среди стольких близких истинные друзья. (4) Его мучила болезнь такая длительная и такая опасная, что смерть и ее доводы одержали победу над жизнью и всем, что было в ней ценного.

На тридцать третьем году, как я слышал от него самого, он заболел подагрой. Эта болезнь у него от отца; болезни, как и прочее, передаются по наследству. (5) Пока он был молод и силен, он побеждал болезнь, одолевая ее жизнью воздержанной и чистой; в последнее время, когда со старостью она усилилась, выносил ее с помощью сил душевных, хотя страдания были невероятные и пытки жесточайшие. (6) Боль уже не сидела только в ногах, а ходила по всем членам. Я посетил его при Домициане, когда он лежал у себя в пригородной вилле. (7) Рабы вышли из спальни; таков уж был у него порядок: когда приходил близкий друг, то все удалялись, даже жена, хотя она умела свято хранить любую тайну. (8) Он огляделся кругом: «Как ты думаешь, почему я так долго терплю такую муку? Да чтобы хоть на один день пережить этого грабителя»⁴. Дай этому духу тело, столь же сильное, и он выполнил бы то, чего хотел⁵.

Бог услышал его молитву. Она исполнилась: он спокойно ожидал смерти, чувствуя себя свободным, и оборвал то многое, что привязывало его, но уже слабо, к жизни. (9) Болезнь росла, он старался смягчить ее воздержанием, но перед ее упорством дрогнула его стойкость. Прошел второй день, третий, четвертый, он ничего не ел. Жена его, Гиспулла⁶, послала ко мне общего нашего друга Геминия со скорбной вестью: Кореллий решил умереть, он не склоняется к мольбам ни ее, ни дочери, и я единственный человек, который может вернуть его к жизни. (10) Я кинулся к нему и был уже совсем близко, когда Юлий Аттик⁷ сообщает мне со слов той же Гиспуллы, что и я ничего не добьюсь: он все прочнее утверждает в своем намерении; «*κῆρυκα*»⁷, – сказал он врачу, поднесшему пищу. Это слово оставило в душе моей столько же восхищения, сколько и тоски.

(11) Я думаю о том, какого друга, какого человека я лишился. Ему исполнилось шестьдесят лет: даже для очень крепких людей это срок длинный – знаю; он избавился от хронической болезни – знаю; он умер, оставив близких живыми, здоровыми, а государство, которое было ему дороже всех, в благополучии – и это знаю. (12) И все же я горюю о нем, как о юноше, как о человеке полном сил, горюю (можешь считать меня малодушным) ради себя. Я ведь потерял человека, следившего за моей жизнью, потерял вожатого и учителя. Коротко говоря, скажу то же, что в своем горе сказал своему другу Кальвизию: «боюсь, что не буду так внимателен к своей жизни»⁸⁹. (13) Поэтому не утешай меня; «он был стар, был немощен» (это я ведь знаю). Найди что-нибудь новое, что-нибудь сильное, о чем я никогда не слышал, никогда

⁷ Я решил.

не читал. То, что я слышал, о чем читал, само собой приходит мне на ум, но перед таким горем это бессильно. Будь здоров.

13

Плиний Сосию Сенециону¹ привет.

(1) Большой урожай поэтов в этом году; в апреле не было почти ни одного дня без публичных чтений. Я радуюсь оживлению литературной деятельности² и выступлениям талантливых людей, публично о себе заявляющих. Слушатели, однако, собираются лениво. (2) Большинство сидит в портиках³, тратит время на болтовню и время от времени приказывают сообщить себе, вошел ли чтец, произнес ли вступление, свернул ли уже значительную часть свитка. Только тогда они собираются, и то медленно, с задержками, и уходят, не дожидаясь конца: одни – тайком и прятаясь, а другие – свободно, без стеснения.

(3) Клянусь Геркулесом, отцы наши помнили, как император Клавдий, прогуливаясь однажды по Палатину, услышал гул одобрения; спросил, в чем дело, и, узнав, что Нониан⁴ читает свое произведение, вошел, нежданно-негаданно для чтеца. (4) Теперь любой бездельник, которого уже давным-давно пригласили, неоднократно напоминали о приглашении, или вовсе не приходит, а если приходит, то именно потому, что день не потерял, он и жалуется на его потерю. (5) Поэтому особого одобрения и признания заслуживают писатели, которым не мешает работать пренебрежительное равнодушие слушателей.

Я бывал почти на всех чтениях⁵; большинство авторов, правда, мои друзья; нет никого, кто, любя литературу, не любил бы в то же время и меня. (6) Поэтому я и задержался в Риме больше, чем себе назначил. Сейчас я могу вернуться в свое убежище и что-нибудь писать! Выступать с чтением не буду, да не покажется, что я присутствовал на чтениях не в качестве слушателя, а заимодавца. Неблагодарное дело услуга, оказываемая чтецу, – да и всякая другая, – если за нее требуют благодарности. Будь здоров.

14

Плиний Юнию Маврику¹ привет.

(1) Ты просишь, чтобы я присмотрел мужа для дочери твоего брата. Справедливо, что возлагаешь это дело именно на меня. Ты ведь знаешь, как я читал и любил этого большого человека, как любовно наставлял он меня в юности, какими похвалами достиг того, чтобы я оказался достойным похвалы. (2) Нет мне поручения от тебя более важного и приятного, нет для меня задачи более почетной, чем выбрать юношу, который достоин родить внуков Арулену Рустику.

(3) Долго пришлось бы искать такого, если бы не было человека, словно предназначенного для этого жребия, а именно Миниция Ацилиана². Он, юноша, любит меня как юношу (он младше меня на несколько лет) и очень близкого друга и уважает как старика. Он хочет, чтобы я воспитывал и наставлял его, как это бывало со мной в вашем доме. (4) Родина его – Бриксия, город в той нашей Италии³, которая до сих пор удерживает и сохраняет многое от порядочности и простоты деревенского старого уклада жизни. (5) Отец его, Миниций Макрин, человек среди сословия всадников видный; подняться выше он не захотел: причисленный божественным Веспасианом к преториям⁴, он неизменно предпочитал честный покой нашей – как мне сказать, – нашей тщеславной погоне за магистратурами? или их достоинству? (6) Серрана Прокула из Патавия – его бабушка с материнской стороны. Ты знаешь нравы тех мест⁵, но Серрана даже для Патавия образец строгой нравственности. Публий Ацилий⁶ доводится ему дядей по матери. Это человек почти единственный по своей основательности, благоразумию, честности. Коротко говоря, во всей семье не найдется ничего, что не пришлось бы тебе по душе в своей собственной.

(7) Сам Ацилиан очень энергичен и деятелен и в то же время чрезвычайно скромнен. Он с честью прошел квестуру, трибунат и претуру; ты избавлен от необходимости хлопотать за него. (8) У него благородное румяное лицо, и он часто краснеет; врожденная красота во всей фигуре и осанка сенатора. По-моему, никак не следует считать это мелочью: это как бы награда девушкам за их целомудрие. (9) Не знаю, добавлять ли, что отец его человек очень состоятельный. Когда я представляю семью, в которую собираюсь ввести зятя, то думаю, что о его средствах говорить не стоит⁷; когда думаю о наших нравах и законах, считающих, что прежде всего надо учитывать состояние, то, представляется мне, не следует обойти и этот пункт, тем более что, думая о потомстве⁸, и потомстве многочисленном, следует при выборе партии принимать и это в расчет.

(10) Ты, может быть, думаешь, что я, ослепленный любовью, превознес юношу сверх всякой меры. Честью ручаюсь тебе: в будущем ты увидишь, что действительность далеко превзошла мои отзывы. Я, правда, горячо люблю юношу, как он того и заслуживает, но любящий не смеет засыпать похвалами того, кого любит. Будь здоров.

15

Плиний Септицию Клару¹ привет.

(1) Послушай! Обещаешь быть к обеду² и не приходишь! в суд – уплати до асса расходы – и не малые! (2) приготовлены были: по кочанчику салата, по три улитки, по два яйца, пшеничная каша с медовым напитком³ и снегом (посчитаешь и его в первую очередь, потому что он растаял на блюде), маслины, свекла, горлянка и тысяча других не менее изысканных блюд. Ты услышал бы или сцену из комедии, или чтение, или игру на лире, а пожалуй, и все это – вот какой у меня размах!⁴ (3) а ты предпочел есть у кого-то устриц, свинину, морского ежа и смотреть на гадитанок⁵.

Будешь наказан, как – не скажу! Но поступил ты жестоко, лишив удовольствия – себя ли, не знаю, а меня конечно; впрочем, и себя. Как бы мы позабавились, посмеялись, позанимались! (4) Пообедаешь роскошнее у многих, нигде веселее, спокойнее, непринужденнее. В общем проверь, и если потом ты не предпочтешь отказывать другим, отказывай всегда мне. Будь здоров.

16

Плиний Эруцию¹ привет.

(1) Я любил Помпея Сатурнина (я называю его нашим)² и хвалил его талант, даже не зная еще, как он разносторонен, гибок и разнообразен; теперь я совершенно покорен им. (2) Я слышал его в суде: речь сильная, горячая и в то же время тщательно отделанная – независимо от того, заранее ли она подготовлена или сказана экспромтом. Много уместных афоризмов, композиция строгая, классическая, слова звучные, старинные³. (3) Все это удивительно нравится, когда проглотить его речь одним духом; нравится и при повторном, внимательном чтении. Взяв в руки его речи и сравнивая их с любым старым оратором, – а он им соревнует⁴, – ты подумаешь то же, что и я. (4) Он еще лучше как историк по сжатости, ясности и приятности, по блеску и взлету рассказа. Речи его тут так же сильны, как и судебные, только более сжаты и ограничены своей темой.

(5) Кроме того, он пишет стихи – такие, как Катулл или Кальв⁵. Действительно такие, как Катулл или Кальв. Сколько в них сладостной прелести, горькой шутки, любовных слов. Он вставил – намеренно – среди нежных милых стихов некоторые грубоватые, тоже как Катулл и Кальв.

(6) Недавно он мне читал письма: сказал, что женины: мне казалось, что я слышу Плавта или Теренция в прозе. Женины ли это письма, по его утверждению, его ли собственные, – он

это отрицает, – но он одинаково стоит одобрения: за собственное ли сочинение или за то, что воспитал такой вкус в жене⁶, которую взял молоденькой девушкой.

(7) Я не расстаюсь с ним целый день; читаю то же самое перед тем, как начать писать; то же самое, когда окончил писать; то же самое даже во время полного отдыха – и всегда словно новое. (8) Очень советую тебе делать так же. Нельзя ценить его труды ниже потому, что он наш современник. Если бы он славен был среди людей, которых мы никогда не видели, мы разыскивали бы не только его книги, но и его изображения⁷, но он живет в наше время, он нам уже надоел, и слава его тускнеет. (9) Неправильно и зло не восхищаться человеком, достойным восхищения, потому что тебе довелось его видеть, с ним разговаривать, его слышать, обнимать и не только хвалить, но и любить. Будь здоров.

17

Плиний Корнелию Титиану¹ привет.

(1) Люди помнят еще о верности и долге! есть еще друзья умерших! Титиний Капитон² получил от нашего императора³ разрешение поставить на форуме статую Л. Силана⁴. (2) Прекрасно, высокой похвалы достойно использовать дружбу принцепса по такому случаю, измерять благоволение к себе возможностью оказывать почет другим. Капитон вообще чтит славных мужей. (3) У него дома – только там ведь и можно – есть изображения Брута, Кассия и Катона⁵. Как благоговейно он их хранит! и превозносит жизнь каждого в отличных стихах. Знай, что человек, которому так дорога доблесть в других, сам наделен ею в избытке. (4) Воздана Л. Силану должная ему честь; Капитон позаботился о его бессмертии и равно и о своем. Иметь статую на форуме римского народа так же почетно, как и поставить ее. Будь здоров.

18

Плиний Светонию Транквиллу¹ привет.

(1) Ты пишешь, что ты в ужасе от своего сна² и боишься, как бы не случилось с тобой в суде неприятности. Ты упрощаешь меня найти извинение для отсрочки, на несколько, конечно, ближайших дней. Это трудно, но я попытаюсь: καὶ γὰρ τ'ὄναρ ἐκ Διός ἐστιν⁸. (2) Важно, однако, вот что: снится ли тебе то, что действительно сбудется, или обратное этому. Я вспоминаю свой сон, и мне кажется, что твой, тебя испугавший, предвещает тебе полный успех. (3) Я вел дело Юния Пастора; и вот вижу во сне свою тещу³⁴, которая, бросившись к моим ногам, заклинает меня не выступать, – а предстояло мне выступать совсем еще молодому; предстояло выступать перед четырьмя объединенными комиссиями суда; предстояло выступать против людей в государстве могущественных, более того, друзей цезаря⁵. Хватило бы и одного из этих обстоятельств, чтобы после такого мрачного сна лишить меня присутствия духа. (4) И однако, я выступил λογισάμενος⁹, что εἰς οἶκον⁹ ἄριστος, ἀμύνεσθαι περὶ πατρίδος¹⁰, и посчитал, что если что мне сейчас и дороже отечества, то это верность слову. Все кончилось благополучно, и это дело открыло меня людям, впустило в мои двери славу. (5) Смотри поэтом, не обратить ли тебе по этому примеру и свой сон в доброе предзнаменование? Если, однако, считаешь более верным правило того осторожнейшего человека: «не делай, если сомневаешься», то так и напиши. (6) Я найду какую-нибудь увертку и буду вести твое дело, когда ты захочешь. У тебя, конечно, иное положение, чем было у меня: суд центурионов нельзя отложить никоим образом, этот хоть и трудно, но возможно. Будь здоров.

19

Плиний Роматию Фирму⁶¹ привет.

⁸ И сны от Зевса бывают (Илиада, I, 63).

⁹ Подумав, сообразив.

¹⁰ Знамение лучшее всех: за отечество храбро сражаться (Илиада, XII, 243; перевод Н. И. Гнедича).

(1) Ты мой земляк, мы вместе учились и дружим с ранних лет. Твой отец был близким другом моей матери и моего дяди и моим, насколько разница возраста это допускала. У меня веские причины хлопотать о достойном тебя звании. (2) Ты у нас декурионом², т. е. состояния у тебя сто тысяч сестерций, и чтобы нам радоваться на тебя, – не только декуриона, но и на римского всадника, – я предлагаю тебе для полного всаднического ценза триста тысяч сестерций³. (3) Что ты не забудешь этого дара, за это ручается наша длительная дружба. Я не уговариваю тебя в том, в чем следовало бы уговаривать, не знай я, что ты и без всяких уговоров будешь вести себя в своем новом звании со всей скромностью, ибо получено оно от меня. Заботливее следует беречь честь, если, охраняя ее, охраняешь и благодеяние друга. Будь здоров.

20

Плиний Корнелию Тациту привет.

(1) Часто идет у меня спор с одним ученым и опытным человеком¹, которому в судебных речах больше всего нравится краткость². (2) И я согласен, что ее надо соблюдать, если это дозволится делом. Иначе предательством будет пропустить то, о чем следует сказать; предательством бегло и кратко коснуться того, что следует втолковывать, вбивать, повторять. (3) Для большинства в длинном рассуждении есть нечто внушительное, весомое; меч входит в тело не от удара, а более от нажима: так и слово в душу.

(4) Этот человек говорит со мной, ссылаясь на образцы: указывает мне у греков речи Лисия, у нас – речи Гракхов и Катона³; большинство их кратки и сжаты. Я предпочитаю Лисию Демосфена, Эсхина, Гиперида и еще многих, а Гракхам и Катону Поллиона, Цезаря, Целия и прежде всего Туллия⁴, самой лучшей речью которого считается самая длинная. Клянусь Геркулесом! как со всем хорошим, так и с хорошей речью: она тем лучше, чем длиннее. (5) Посмотри, как статуи, картины, изображения людей, многих животных и даже деревьев, если они вообще красивы, выигрывают от размера. То же и с речами: даже свиткам величина придает некоторую внушительность и красоту.

(6) Эти соображения и множество других, которыми я защищаю эту самую мысль, задевают моего собеседника, в споре неуловимого и увертливого: он утверждает, что речи, сказанные в суде (те самые, на которые я ссылаюсь), были гораздо короче изданных. (7) По-моему, наоборот. Подтверждением служат многие речи многих ораторов, а у Цицерона речь за Мурену и за Варена⁵, в которых дается краткий голый список некоторых обвинений – своего рода оглавление. Отсюда ясно, что при издании он выпустил многое из сказанного в суде. (8) Он же в речи за Клуенция⁶ говорит, что, по старому обычаю, он излагал все дело Клуенция один, а Г. Корнелия⁷ защищал четыре дня. Несомненно, однако, что речь, по необходимости растянувшуюся на несколько дней, нельзя потом, урезав ее и подчистив, втиснуть в одну книгу, большую, правда, но все-таки одну. (9) Но, скажут мне, «одно – речь, которую хорошо послушать в суде, и другое – речь, которую хочешь почитать». Я знаю, что некоторым так кажется, я же убежден (может быть, ошибаюсь), что одна и та же речь может, правда, показаться хорошей, когда ее произносят, и плохой, когда ее читают, но невозможно, чтобы речь, хорошо написанная, оказалась плоха при слушании. Написанная речь есть образец и как бы ἀρχέτυπον¹¹ для произносимой. (10) А кроме того, в любых хороших речах, даже в тех, которые мы знаем только в том виде, в каком они изданы, найдется множество фраз, только что пришедших в голову оратору: например, в речи против Верреса⁸⁹: «какого же мастера? кого, наконец? правильно: говорили, что Поликлета». Из этого следует, что самой совершенной будет речь, почти целиком совпадающая с написанным текстом; это возможно, если для нее отведено должное и необходимое время; если в нем отказано, то тут вина не на ораторе, а целиком на судье¹⁰.

¹¹ Архетип.

(11) Мое мнение поддерживают законы, щедро одаривающие оратора временем; ему советуют быть не кратким, а подробным и обстоятельным, а это совместимо с краткостью только в самых незначительных делах. Добавлю еще, чему меня научил опыт, учитель исключительный. (12) Я часто вел дела, часто бывал судьей, часто присутствовал в совете: не всех людей волнует одно и то же, и в большинстве случаев следствия мелочей очень значительны. Люди судят по-разному, хотят разного, и те, кто одновременно слушает одно и то же дело, воспринимают его различно, а если и одинаково, то по различным душевным побуждениям. (13) А кроме того, каждому милы его собственные измышления, и если кто-то другой скажет то самое, что он предполагал, то для него это уже сильнейший довод. Всем надо уделить то, что можно удержать, с чем можно согласиться.

(14) Как-то Регул, с которым мы защищали одно и то же дело, сказал мне: «по-твоему, надо исследовать все относящееся к делу, а я сразу вижу, где горло, и за него и хватаю»¹¹. Он, конечно, хватал то, на что нацелился, но в выборе цели ошибался часто. Ему можно было бы возразить, что ему случалось принимать за горло колено или пятку. (15) «Я не в силах разглядеть, где горло, – сказал я, – и потому я все перебираю, все испытываю: πάντα λίθον κινῶ»¹². (16) Как в сельском хозяйстве я занимаюсь не только виноградниками, но и виноградными садами, не только виноградными садами, но и нивами и на нивах сею не одну двузернянку, или пшеницу, но и ячмень, и бобы, и прочие стручковые, так и речью своей я широко разбрасываю семена, чтобы собрать, что взойдет. (17) Судьи так же непостижимы, как земля и погода: неверны и непостоянны. И я помню, как комик Эвполид¹²¹³ хвалил Перикла, оратора великого:

πρὸς δὲ γ' αὐτοῦ τῷ ταχεὶ πειθῷ τις ἐπεκάθητο τοῖσι χεῖλεσιν οὕτως ἐκίλει καὶ μόνος τῶν ρητόρων τὸ κέντρον ἐγκατέλιπε τοῖς ἀκροωμένοις¹³,

(18) но и самому Периклу не удалось бы ни это πειθῷ¹⁴, ни это ἐκίλει¹⁵ только в силу краткости или стремительности его речи (или обоих этих качеств: они ведь различны), не будь у него великого дарования. Чтобы доставить удовольствие или убедить, речь должна быть подробной, просторной; оставить же в душах слушателей занозу можно, лишь вонзив ее, а не только ею уколол. (19) Добавь слова другого комика о том же Перикле:

ἥστραπτ' ἐβρόντα, συνεκύκα τὴν Ἑλλάδα¹⁶.

Гремит, сверкает и приводит в смятение не речь увечная и обкорнанная, а возвышенная, льющаяся широким великолепным потоком.

(20) «Лучше всего мера» – кто отрицает? Но меру одинаково не соблюдают и тот, кто говорит меньше, чем требуется делом, и кто больше, кто слишком сжат и кто слишком пространен. (21) Поэтому часто и слышишь: «не в меру многословен» или «сухо и слабо»; один вышел за пределы своей темы, другой не исчерпал ее. Оба грешат одинаково, но один от слабости, другой от избытка сил; (22) последнее – недостаток пусть неотделанного, но все же большего таланта. Говоря это, я одобряю не гомерова ἀμετροεπὴ¹⁷, но того, чьи

καὶ ἔτλα νεφάρδεσσι εὐκότα χειμερίσιν¹⁸,

но мне очень нравится и тот, кто

παῦρα μὲν, ἀλλὰ μάλα λιγέως¹⁹,

¹² Двигаю всякий камень (поговорка).

¹³ ...стремительно к нему само садилось убеждение на уста. Он чаровал людей; единственный оратор, он жало оставлял у слушателя.

¹⁴ Убеждение.

¹⁵ Укрошал, чаровал.

¹⁶ Сверкал, гремел и волновал Элладу (Аристофан. Ахарняне, 531).

¹⁷ Безмерноречивого (эпитет Ферсита в Илиаде, II, 212).

¹⁸ Речи, как снежная выюга, из уст у него устремлялись (об Одиссее, Илиада, III, 222).

¹⁹ Мало вещал, но разительно (о Менелее, Илиада, III, 214).

если, однако, мне дан будет выбор, то я желаю слушать речь, подобную снежной выюге, насыщенную и настойчивую, пространную речь небесную, божественную. (23) «Много приятнее слушать речь короткую» – да, людям ленивым; смешно считаться с их любовью к праздности. Посоветуйся с ними: услышишь, что лучше не только говорить кратко, но вообще вовсе не говорить.

(24) Таково пока мое мнение; я изменю его, если ты не согласен, но только очень прошу, объясни, почему не согласен. Хотя мне и следует уступать твоему авторитету, я все же считаю, что в таком вопросе правильнее подчиняться рассудку, а не авторитету. (25) Поэтому, если я как будто не ошибаюсь, напиши об этом, как хочешь кратко, только напиши (ты подтвердишь мое мнение), если же ошибаюсь, готовь длинное-длинное! (26) Не подкупил ли я тебя, предложив написать кратко, если ты присоединишься ко мне, и обязав ответить длинейшим письмом в случае несогласия? Будь здоров.

21

Плиний Плинию Патерну привет.

(1) Я вполне полагаюсь на твой ум и на твои зрительные впечатления. Это не значит, что ты понимаешь очень много, – не зазнавайся, понимаешь ты столько, сколько и я, что тоже немало. (2) Бросим шутить; по-моему, рабы, купленные по твоему совету, вид имеют приличный; только бы были бы они честны, но тут уже надо полагаться не на то, что видишь, а на то, что услышишь¹². Будь здоров.

22

Плиний Катилию Северу¹ привет.

(1) Давно уже, как я застрял в городе. И не помню себя от тревоги²: мне покоя не дает длительная и упорная болезнь Тития Аристана³. Я его особенно люблю и уважаю. Непревзойденная основательность, чистота, образованность! Мне кажется, гибнет не один человек, а в одном человеке сама литература и все науки. (2) Какой это знаток и частного, и государственного права! Чего только он не знает! Как знакома ему наша старина! Сколько «примеров» он помнит! Нет предмета, который ты пожелал бы изучить и в котором он не оказался бы твоим учителем. Для меня, в моих поисках мне неизвестного, он был сокровищницей⁴. (3) На его слова можно положиться целиком. Говорил он медлительно, сжато и красиво. Он знает все так, что ему не нужно никаких справок, и, однако, в большинстве случаев он колеблется и приходит в сомнение от разницы в доводах, которые остро и разумно перебирает и взвешивает, восходя к самому началу и первым процессам⁵. (4) Как скромна его одежда. Я гляжу на его спальню и кровать и представляю себе старую простую жизнь. (5) Во всем сквозит высокая душа, которая прислушивается не к гулу похвал, а к голосу собственной совести, которая ищет награды за верный поступок не в людских толках, а в самом поступке. (6) Трудно сравнивать с этим человеком людей, о чьей преданности философии докладывают их вид⁶. Он не посещает усердно гимнасий и портиков, не забавляет себя и других бездельников длинными рассуждениями – он занят делом: многим помогает в суде защитой, еще большему числу советом. (7) Никто, однако, из тех философов не превзошел его чистотой, верностью долгу, справедливостью, мужеством.

Если бы ты находился при нем, ты удивился бы, с каким терпением переносит он эту свою болезнь, как преодолевает боль, терпит жажду; неподвижный и укрытый, тихо лежит в жестоком жару лихорадки. (8) Недавно он пригласил меня и еще нескольких особенно дорогих ему людей и попросил поговорить с врачами о характере его болезни: если она неизлечима, он уйдет из жизни по своей воле; если она только трудная и затяжная, он будет бороться с ней и жить, (9) уступит мольбам жены, уступит слезам дочери, уступит, наконец, нам, друзьям, и не разобьет добровольной смертью наших надежд (если мы не надеемся впустую). Я считаю такое решение очень трудным и достойным особого одобрения. (10) Многие устремляются

к смерти по какому-то безумному порыву; обсуждать и взвешивать основания для нее и по совету разума выбирать между жизнью и смертью может только высокая душа.

(11) Врачи обещают нам счастливый исход; услышал бы их бог и наконец избавил меня от этого беспокойства! я бы спокойно уехал к себе под Лаврент⁷, к книгам, дощечкам, на отдых, наполненный труда. Теперь нет ни времени читать или писать (я сижу около него), ни охоты, тревога мучит. (12) Вот тебе отчет в моих страхах, желаниях и намерениях; ты, в свою очередь, напиши мне, что ты делал, что делаешь, что собираешься делать. Только пусть твое письмо будет радостнее! в моей душевной смуте для меня немалое утешение, если ты ни на что не жалуешься. Будь здоров.

23

Плиний Помпею Фалькону¹ привет.

(1) Ты спрашиваешь меня: можно ли тебе, трибуну, вести судебные дела?² Тут очень важно, чем ты считаешь трибунат: «пустой тенью», «именем без чести»³, или же трибун облечен священной властью, и никто не смеет заставить его вернуться в ряды простых граждан, а сам он тем менее.

(2) Когда я был трибуном, я, может быть, ошибался, считая себя чем-то значительным, но, почитая себя таковым, я отказался от ведения дел: во-первых, я считал несообразным, чтобы тот, перед кем всем полагалось вставать и кому уступали дорогу, стоял, когда все сидят; чтобы тому, кто мог приказывать любому умолкнуть, молчание предписывалось клепсидрой⁴, и тот, перебить которого считалось грехом, выслушивал бы ругань и почитался трусом, если не налагал за ругань наказания, и зазнайкой, если налагал. (3) Волновала меня еще и такая мысль: что, если мой подзащитный или мой противник обратятся ко мне и попросят моего вмешательства и защиты? и я спокойно промолчу, притворившись частным человеком, будто отрекшись от магистратуры? (4) По этим причинам я и предпочел явиться трибуном для всех, а не адвокатом для немногих. (5) Но (повторяю это) все дело в том, чем ты считаешь трибунат, какую роль берешь для себя; разумный человек должен браться за ту, которая по силам. Будь здоров.

24

Плиний Бебию Гиспану¹ привет.

(1) Транквилл², мой друг, хочет купить именице, которое, говорят, продает твой друг. (2) Постарайся, пожалуйста, чтобы он купил его по справедливой цене: тогда и будем радоваться покупке³. В плохой покупке всегда каешься, потому особенно, что это укор хозяину в глупости.

(3) В том именице (если цена ему подходящая) моего Транквилла привлекает многое: соседство города⁴, хорошая дорога, небольшая усадьба и поле, которое величиной своей не отяготит хозяина, но отвлечет его от забот. (4) Хозяину-ритору, такому, как он, хватит с избытком участка, где он освежит голову, даст отдых глазам, медленно пройдет по межам, протопчет одну и ту же тропинку; где ему знакомы и пересчитаны каждая лоза и каждый кустик.

(5) Все это я тебе изложил, чтобы ты знал, как он будет обязан мне, а я тебе, если это именице, такое привлекательное, удастся купить по разумной цене, такой, чтобы после не пришлось каяться. Будь здоров.

Книга II

1

Плиний Роману¹ привет.

(1) После многих лет замечательное памятное зрелище явили глазам римского народа устроенные от имени государства похороны² Вергиния Руфа³, великого и славного гражданина и счастливого человека.

(2) Тридцать лет слава его жила вместе с ним: он прочел стихи о себе, прочел историю⁴: слава, обычно посмертная, пришла к нему при жизни. Он был трижды консулом⁵ – достиг вершины, доступной частному человеку; быть принцепсом он не захотел. (3) Он уцелел при цезарях, подозревавших и ненавидевших его за высокие качества⁶, и умер, оставив благополучным самого лучшего и к нему расположенного⁷. Судьба словно приберегала его, чтобы оказать еще этот почет: похороны от имени государства. (4) Он скончался восьмидесяти трех лет среди полного покоя, окруженный глубоким уважением. Здоровья был крепкого, только руки у него дрожали, хотя и не болели. (5) Смерть шла к нему долгим и трудным путем, но и тут он стоит хвалы. Он, консулом, собирался произнести благодарственную речь принцепсу⁸; свиток взял довольно большой, тяжелый; он выскользнул из рук старика, к тому же стоявшего. Наклонившись подобрать его, Руф оступился на гладком и скользком полу, упал и сломал бедро. Его не вправили как следует, и по старости срослось оно плохо.

(6) За эти похороны честь и слава и принцепсу, и нашему времени, и ораторской трибуне. Хвалебную речь произнес консул Корнелий Тацит. Счастливую судьбу Руфа завершила эта последняя удача: хвалебную речь произнес оратор красноречивейший. (7) И ушел он, насытившись годами, насытившись почестями (даже теми, от которых отказался). А мы все-таки жалуемся и тоскуем о нем, человеке прошлого века, и особенно я, который не только восхищался им как государственным человеком, но и любил его: (8) во-первых, потому, что мы оба родом из одной области⁹, города наши соседние, земли и владения межут, а затем потому, что, оставшись моим опекуном¹⁰, он относился ко мне с отеческой любовью. Он оказывал мне честь, поддерживая мои кандидатуры; он спешил покинуть свое тихое убежище¹¹, чтобы поздравить меня с каждой новой магистратурой, хотя давно уже отказался от этого долга вежливости¹². В тот день, когда жрецы называют имена¹³ тех, кого считают наиболее достойными жречества, он всегда называл меня. (9) В последнюю свою болезнь, боясь, как бы его не включили в коллегию квинквевиров¹⁴, учрежденную по постановлению сената и занятую вопросом об уменьшении государственных расходов, он выбрал передать его отказ меня, человека еще молодого, а ведь у него было столько друзей, стариков-консуляров, и в таких словах: «Будь даже у меня сын, я поручил бы это дело тебе».

(10) Поэтому я оплакиваю на груди у тебя его смерть как преждевременную, если не грех плакать над ним и называть смертью окончание не жизни, а смертного существования. (11) Он живет и всегда будет жить: люди будут больше помнить и говорить о нем, его не видя.

(12) Хотел я написать тебе и о многом другом, но душа моя вся в одном: я думаю о Вергинии, вижу Вергиния, в тщетных, но живых мечтах слышу Вергиния, говорю с ним, обнимаю его. Может быть, у нас и есть и будет несколько человек, равных ему по высоким качествам, но славой с ним никто не сравняется. Будь здоров.

2

Плиний Павлину¹ привет.

(1) Я сержусь; мне не ясно, должен ли, но я сержусь. Ты знаешь, как любовь бывает иногда капризна, часто она не владеет собой и всегда она *μικραίτιος*²⁰. Это причина важная, не знаю, справедлива ли, но я сержусь так, словно она и справедлива, и важна. Сержусь потому, что от тебя уже давно ни строчки.

(2) Умилостивить меня ты можешь только одним: сейчас же начинай писать частые и длиннейшие письма. Будет это единственное настоящее оправдание; все остальное вроде «я не был в Риме», «я был очень занят» я и слушать не стану: выдумки. (Боги да не допустят такой причины, как болезнь.) Сам я на вилле делю время между занятиями и бездельем; они дети досуга. Будь здоров.

3

Плиний Непоту²¹ привет.

(1) Громкая слава предшествовала Исею²; он превзошел ее. У него большой дар речи и очень богатый язык³. Он говорит всегда без подготовки, а кажется, будто это давно написанная речь. Говорит по-гречески, вернее, как уроженец Аттики; введения его отделаны, изящны, приятны, иногда важны и возвышенны. (2) Он просит слушателей придумать побольше контroversий⁴ и предлагает им выбрать любую, часто предлагает даже выбор роли. Затем он встает, захватывает плащ и начинает. Речь льется рекой. Сами собой приходят глубокие мысли, сами собой слова. Но какие! Обдуманно подысканные; в его импровизациях сквозит большая начитанность и привычка писать. (3) Его предисловия уместны, рассказ ясен, возражения энергичны, выводы сильны; он учит, услаждает, волнует – не знаешь, чего больше. Частые *ἐνθυμήματα*²¹, частые силлогизмы, краткие и доказательные, – достичь этого и в написанной речи уже много. Память невероятная: повторяя позже сказанное без подготовки, он не споткнется ни на одном слове. До такого *ἔξις*²² он дошел занятиями и упражнениями: (4) день и ночь он только этим и занят, только об этом слушает и говорит.

(5) Ему уже за шестьдесят, и он до сих пор только ритор⁶⁷; нет людей искреннее, простодушнее и лучше учителей. Мы, понаторев в настоящих тяжбах на форуме, помимо воли выучиваемся лукавить. (6) Школа, аудитория, вымышленные дела – все это так безобидно, безвредно и доставляет столько радости, особенно людям старым. Разве не радостно заниматься в старости тем, что так нравилось в молодости? (7) Поэтому я считаю Исея не только самым красноречивым, но и самым счастливым человеком. Если ты не жаждешь познакомиться с ним, ты «из камня и железа»⁸.

(8) Поэтому, если не ради меня, так приезжай, конечно, ради того, чтобы послушать Исея. Разве ты никогда не читал про какого-то гадитанца⁹, который был так поражен славой Тита Ливия, что с края света приехал посмотреть на него и, поглядев, сразу же уехал обратно. Пренебрегать знакомством с таким человеком (нет знакомства приятнее, прекраснее, достойнее человека) значит быть *ἀφιλόκαλον*²³, невежественным, ленивым, прямо-таки низким. (9) Ты скажешь: «у меня есть книги, написанные не менее красноречиво». Пусть так, но читать ты можешь всегда, а слушать не всегда. А кроме того, живой голос волнует гораздо больше. Пусть твоя книга написана даже сильнее, но в душе твоей глубже запечатлется то, что закрепит манера говорить, выражение лица, облик, самые жесты оратора. (10) Не выдумка же рассказ об Эскине; когда он прочел родосцам Демосфена, от которого все пришли в восторг, он, говорят, заметил: *τί δέ; εἰ αὐτοῦ τοῦ θηρίου ἠκούσατε*²⁴; а это ведь был Эскин, *λαμπροφώνωτάτος*²⁵,

²⁰ Жалующаяся на мелочи.

²¹ Доводы.

²² Владения.

²³ Не любящим прекрасного.

²⁴ Это что? если бы вы послушали самого зверя!¹⁰

если верить Демосфену, – и он признавал, что эта самая речь показалась бы гораздо лучше, если бы говорил ее автор.

(11) Все это говорится к тому, чтобы ты послушал Исея хотя бы только ради того, чтобы сказать, что ты его слушал. Будь здоров.

4

Плиний Кальвине привет.

(1) Если бы отец твой должен был многим людям или кому-то одному, а не мне, то, пожалуй, следовало бы подумать, принимать ли тебе наследство, обременительное даже для мужчины¹². (2) Я, однако, по долгу свойства расплатился со всеми кредиторами, не то чтоб очень надоедливый, но уж очень настойчивый, и остаюсь единственным: еще при жизни твоего отца, когда ты выходила замуж, я дал тебе в приданое сто тысяч; и был еще долг, который отец твой считал как бы моим (уплатить его надо было моими деньгами). Ты видишь, как велико мое расположение; полагаясь на него, оберегай доброе имя и честь умершего. Я убеждаю тебя в этом не словами, а делом: все, что был мне должен твой отец, считай уплаченным. (3) Не беспокойся, что этот дар мне в тягость. Состояние у меня, правда, среднее³: должность требует расходов⁴, а доходы с имений, по самой природе их, то ли малы, то ли неверны. Недостаток доходов, впрочем, восполняется бережливостью: она источник моей щедрости. (4) Тут надо, конечно, соблюдать меру, чтобы источник, слишком разлившись, не пересох, но соблюдать для других; для тебя мера никогда не будет превышена. Будь здорова.

5

Плиний Луперку¹ привет.

(1) Посылаю тебе речь², которую ты неоднократно требовал, а я часто обещал, но еще не целиком: часть до сих пор отделяется. (2) Пока что не худо передать на твой суд то, что, по моему, закончено: посмотри, пожалуйста, с таким же усердием, с каким она писалась. Ничего до сих пор не было у меня в руках, чему следовало бы уделить больше старания. (3) По остальным речам люди могли судить только о моей деловитости и честности; тут дело идет о моей любви к родине. Поэтому книга и разрослась: мне радостно было украшать и возвеличивать мой город, служить ему, защищая его и славя³. (4) Ты, впрочем, вырежь это, сколько потребуется по здравому смыслу. Всякий раз, когда я думаю о том, что наводит на читателя скуку и что доставляет ему удовольствие, я прихожу к выводу: книгу рекомендуют и ее небольшие размеры.

(5) Я требую от тебя сурового суда, но я же вынужден все-таки просить: не хмурься слишком часто. Кое в чем надо считаться и со вкусом молодежи⁴, особенно если материал это позволяет. Описания мест, которые в этой книге встретятся часто, можно дать в стиле не повествовательном, а поэтическом. (6) Если найдется человек, который сочтет, что я писал цветистее, чем того требует важное слово, то остальные части речи этого угрюмца умилоостивят. Я старался приковать внимание читателей разных разным стилем речи. (7) И если, как я боюсь, какая-либо часть ее кому-то, по свойствам его природы, не понравится, то, я верю, вся она в целом благодаря своему разнообразию всем придется по вкусу. (8) Так ведь и на пиру: хотя многие из нас и не дотронутся до большинства кушаний, но в целом обед мы все обычно хвалим, и еда, которую желудок отказывается принимать, не лишает вкуса ту, которая ему приятна.

(9) Пойми, пожалуйста, я не думаю, будто уже достиг своей цели, я только работаю, чтобы ее достичь, и работаю, может быть, не напрасно, если только ты внимательно отнесешься пока что к тем страницам, которые уже у тебя, а потом и к следующим. (10) Ты скажешь, что тщательный просмотр возможен только по ознакомлению с речью в целом; согласен, но все-таки пусть то, что есть сейчас у тебя, станет тебе близко и знакомо; и там ведь кое-что можно исправ-

лять по частям. (11) Если ты будешь рассматривать отбитую голову статуи или какую-нибудь другую ее часть, то установить пропорциональность этих частей и взаимное их соответствие ты не сможешь, но судить о том, изящны ли они, сможешь. (12) Только по этой причине ходят по рукам начальные страницы книг: считается, что любая часть превосходна и сама по себе.

Далеко увлекла меня прелесть беседы с тобой; (13) положу ей, однако, конец, чтобы не преступить в письме меры, которую, по-моему, надо соблюдать и в речи. Будь здоров.

6

Плиний Авиту¹ привет.

(1) Долго доискиваться, да и не стоит, как случилось, что я, человек совсем не близкий, оказался на одном обеде, хозяин которого, по его собственному мнению, обладал вкусом и хозяйственным толком, а по-моему, был скуп и в то же время расточителен. (2) Ему и немногим гостям в изобилии подавались прекрасные кушанья; остальным плохие и в малом количестве. Вино в маленьких бутылочках он разлил по трем сортам: одно было для него и для нас, другое для друзей попроще (друзья у него расположены по ступенькам), третье для отпущенников, его и моих; ты не мог выбирать и не смел отказываться². (3) Мой сосед по ложу заметил это и спросил, одобряю ли я такой обычай. Я ответил отрицательно. «Какого же ты придерживаешься?» – «У меня всем подается одно и то же; я приглашаю людей, чтобы их угостить, а не позорить, и во всем уравниваю тех, кого уравнило мое приглашение». – «Даже отпущенников?» – «Даже! Они для меня сейчас гости, а не отпущенники». – «Дорого же обходится тебе обед». – «Вовсе нет». – (4) «Как это может быть?» – «Потому, конечно, что мои отпущенники пьют не то вино, какое я, а я пью то, какое они». (5) Клянусь Геркулесом! Поделиться со многими тем, чем пользуешься сам, необременительно, если не предаваться чревоугодию. А вот его надо подавить, надо привести как бы в норму, и если тебе жалко денег, то лучше тебе сберечь их, ограничивая себя, а не оскорбляя других.

(6) К чему все это? Чтобы тебе, юноше с прекрасными задатками, роскошь обеденного стола у некоторых не прикинулась бережливостью. Мне, любящему тебя, следует всякий раз, наткнувшись на что-нибудь подобное, пользоваться таким примером и на нем показывать, чего должно тебе избегать. (7) Помни же: неизменно отвергай этот необычный союз роскошества и скряжничества: и то и другое гадко само по себе, а в соединении еще гаже. Будь здоров.

7

Плиний Макрину¹ привет.

(1) Вчера сенатом по предложению принцепса² решено поставить Вестрицию Спуринне триумфальную статую³ – в большинстве случаев их ставят людям, которые никогда не были в строю, никогда не видали лагеря и никогда не слышали звука военной трубы⁴ – разве что в театре; Спуринна был из тех, кто заслужил эту честь «потом и кровью»⁵ и своими делами. (2) Он силой оружия водворил царя бруктеров на царство и, намекнув на возможную войну, одним страхом укротил этот свирепейший народ⁶. Какая прекрасная победа!

(3) Эта статуя – дань его доблести, а вот утешение в горе: сын его, Коттий, умерший в его отсутствие, почтен статуей – для юноши случай редкий. И ее заслужил отец: его тяжкая рана требовала сильного лекарства. (4) Да и сам Коттий⁷ обещал так много хорошего, что его краткую, урезанную жизнь следовало продлить этим подобием бессмертия. В нем была такая чистота, серьезность, даже авторитетность; по своим нравственным качествам он не уступал тем старикам, с которыми он теперь сравнился в почете. (5) Почтить хотели память умершего и скорбь отца, но – насколько я могу судить – тут имелось в виду и другое: пример. Молодежь загорится желанием совершенства: для юношей ведь установлена такая награда – были бы они только ее достойны; знать загорится желанием иметь детей, будет радоваться на живых, а если потеряет их, то утешением будет слава.

(6) Потому я радуюсь статуе Коттия как магистрат, но не меньше и как частное лицо. Моя любовь к этому безукоризненному юноше была так же горяча, как нестерпима сейчас тоска о нем. И мне будет так приятно часто смотреть на эту статую, часто на нее оглядываться, останавливаться около, проходить мимо нее. (7) Если изображения умерших, находящиеся дома⁸, облегчают наше горе – то, конечно, еще более те, которые стоят на самом людном месте⁹ и напоминают не только об их облике, но и об их славе и чести. Будь здоров.

8

Плиний Канинию¹ привет.

(1) Ты работаешь, рыбачишь, охотишься или занимаешься и тем, и другим, и третьим? Всем можно на нашем Ларии²: озеро предоставит в изобилии рыбу; дичь – леса, опоясывающие озеро; возможность заниматься – полное, глубокое уединение. (2) Занят ты всем этим или чем-либо одним, но я не могу сказать «завидую»; я тоскую оттого, что все это мне заказано, а я так этого хочу, как больные – вина, бани, ключевой воды. Неужели я никогда не оборву эти путы, если развязать их не разрешено? (3) Никогда, думаю. К старой работе добавляется новая, а и прежняя еще не доделана. Так опутала меня эта со дня на день вытягивающаяся цепь непрерывных занятий!³

9

Плиний Аполлинарию¹ привет.

(1) Меня тревожит и беспокоит кандидатура моего Секста Эруция²: я весьма озабочен. За себя я так не волновался, как волнуюсь сейчас, словно за второго себя. Сейчас, впрочем, дело идет о моей чести, моем достоинстве, уважении ко мне. (2) Я испросил Сексту у нашего цезаря «широкие полосы», испросил квестуру³; при моей поддержке он получил право на трибунат. Если сенат не сделает его трибуном⁴, боюсь, как бы не показалось, что я обманул цезаря. (3) Потому мне надо приложить все усилия к тому, чтобы все судили о нем как о человеке, за которого принял его принцепс, поверив мне.

Эта причина подогревала, конечно, мое рвение, но и не будь ее, я с удовольствием помогал бы юноше честному, серьезному, образованному, достойному вообще всякой похвалы, – со всем своим домом вместе. (4) Отец ему Эруций Клар, человек чистый, старинных нравов, красноречивый и опытный в ведении дел, защитник честный, надежный и совестливый. Дядя его К. Септиций⁵, я не знал человека правдивее, чистосердечнее, вернее. (5) Все они наперыв и все одинаково любят меня. Я могу сейчас в лице одного поблагодарить всех.

Итак, я хватаю друзей, умоляю их, упрощаю, хожу по домам и портикам; по успеху своих просьб сузу о своем влиянии и авторитете.

(6) Сделай милость, сочти стоящим делом снять с меня долю этой тяготы. Я, в свою очередь, помогу тебе, если потребуется, помогу и без требования. Тебя любят и уважают, у тебя бывает много людей; покажи только, чего ты хочешь, и не будет недостатка в людях, которые горячо захотят того, чего ты желаешь. Будь здоров.

10

Плиний Октавию¹ привет.

(1) Терпеливый ты человек – нет, скорее строгий до жестокости! Так долго утаивать такие замечательные произведения! (2) До каких пор будешь ты лишать себя – громкой славы, нас – удовольствия? Пусть они будут на устах людей, пусть побывают всюду, где только говорят поллатыни²; мы ждем так давно, так долго! ты не должен больше обманывать нас и откладывать: стихи твои стали известны: хотя ты этого и не хотел, но они вырвались из темницы (3), и если ты не соберешь их вместе, то они, бродяги, наткнутся на человека, который объявит себя их автором³. (4) Помни о смерти; единственное, что вырвет тебя из ее власти, – это твои стихи; все остальное, хрупкое и тленное, исчезает и гибнет, как сами люди.

(5) Ты скажешь, по своему обыкновению: «этим займутся друзья». Я желаю тебе таких преданных, образованных и трудолюбивых друзей, которые могли бы и захотели взять на себя столько труда и забот, но подумай: не легкомысленно ли надеяться, что другие сделают то, чем ты сам для себя заняться не хочешь?

(6) Об издании пока что – как хочешь. Ты только выступай с публичными чтениями: тебе скорее захочется издавать, и ты наконец изведешь ту радость, которую я давно и не зря за тебя предвкушаю. (7) Я представляю, что тебя ждет: стечение людей, восторг, приветственные клики, даже молчание; когда я выступаю с речью или чтением, я радуюсь молчанию не меньше, чем приветствиям, – только было бы оно от перехваченного дыхания, было напряженным, жаждало продолжения. (8) Такая награда готова тебе; перестань этим бесконечным промедлением делать никчемной свою работу. Если тут перейти меру, то как бы такое промедление не назвали ленью, бездельем и даже трусостью. Будь здоров.

11

Плиний Арриану¹ привет.

(1) Тебя обычно радует, если в сенате совершено нечто его достойное. Хотя ты из любви к покою и отошел от дел, но мысль о достоинстве государства неизменно живет в твоей душе. Так вот: в эти дни решено было дело – громкое, в силу известности подсудимого, благотворное по своей примерной строгости, достопамятное по важности содержания.

(2) Мария Приска², своего проконсула, обвиняли африканцы. Он отказался от защиты и «попросил судей»³. Я и Корнелий Тацит, которым была поручена защита провинциалов⁴, сочли своим долгом уведомить сенат, что преступления Приска таковы по своему бесчеловечию и жестокости, что и речи не может быть о «назначении судей»; за взятки он осуждал и даже посылал на казнь невинных людей. (3) С ответной речью выступил Фронтон Катий⁵ и стал умолять ограничиться расследованием только нарушения закона о вымогательствах. Мастер вызывать слезы, он пустил в ход все средства, чтобы людей словно прохватило ветром сострадания. (4) Громко спорят, громко кричат: одни – что законом сенатское расследование ограничено, другие – что сенат тут ничем не связан и что подсудимый должен быть наказан в меру своей вины. (5) Наконец, выбранный в консулы Юлий Ферокс⁶, человек прямой и чистый, решил, что Марию можно пока что «дать судей», но надо вызвать тех, с кем, говорят, он ссорился насчет гибели невинных людей. (6) Решение это не только возобладало, но оказалось единственным, которое, после стольких разногласий, было принято большинством. Наблюдением отмечено, что благосклонность и сострадание, горячие и страстные вначале, постепенно оседают, словно притушенные обдумыванием и размышлением. (7) Вот и выходит, что мысль, поддержанную беспорядочными криками многих, никто не выскажет вслух среди окружающего молчания: сущность дела, невидная в толпе, раскрывается, когда из толпы выйдешь.

(8) Прибыли те, кому было приказано явиться: Вителлий Гонорат и Флавий Марциан⁷. Гонората уличили в том, что он за триста тысяч купил ссылку римского всадника⁸ и смертный приговор семи его друзьям; Марциан дал семьсот тысяч, чтобы умучили какого-то римского всадника: его били палками⁹, приговорили к работе в рудниках и удушили в тюрьме¹⁰. (9) Гонората избавила от сенатского расследования своевременная смерть; Марциана ввели в отсутствие Приска, и Тукций Цериал, консуляр¹¹, потребовал, по праву сенатора, вызвать Приска: думал ли он, что присутствием своим он вызовет к себе больше жалости? больше ненависти? по-моему, он считал справедливым, чтобы оба соучастника защищались от обвинения, возводимого на обоих, и если оправдаться было невозможно, то были бы и наказаны оба.

(10) Дело отложили до ближайшего заседания сената, которое являло вид величественный. Председательствовал принцепс (он был консулом); к тому же в январе собрания, особенно сенаторские, бывают особенно многолюдны¹². А кроме того, дело было крупное, толки о нем

разрослись, ожидание было подогрето отсрочкой. Людям ведь присущ интерес ко всему важному и необычному, и они устремились отовсюду. (11) Представь себе наше волнение, наш страх: приходилось говорить о таком деле в этом собрании и в присутствии цезаря. Хотя я и не раз вел дела в сенате и хотя нигде так благосклонно меня не выслушивают, но в ту минуту мне все представлялось необычным и страх пронизывал меня необычный. (12) А помимо всего, я ведь представлял трудность этого дела: перед судом стоял человек, только что консуляр, только что септемвир эпuloнов – и сейчас никто¹³. И еще тяжело очень обвинять осужденного: на нем тяготело преступление страшное, но за него, уже почти осужденного, вступалась жалость.

(14) Как бы то ни было, но я собрался с духом и с мыслями и начал говорить: одобрение слушателей равнялось моему волнению. Я говорил почти пять часов: к двенадцати клепсидрам¹⁴ – а я получил объемистые – добавили еще четыре. То, что перед выступлением казалось трудным и неблагоприятным, обернулось выступающему во благо. (15) Цезарь проявил ко мне столько внимания, столько заботы (сказать, что встревожился, было бы слишком)! Через моего отпущенника, стоявшего за мной, он часто напоминал, что надо мне поберечь голос и грудь (по его мнению, я напрягаю их больше, чем допускает мое слабое телосложение¹⁵). (16) Отвечал мне защитник Марциана Клавдий Марцеллин¹⁶. Затем заседание было распущено и отложено на следующий день; не стоило и начинать речь: ее прервало бы наступление ночи¹⁷. (17) На следующий день защитником Мария выступал Сальвий Либерал¹⁸, человек мыслящий остро и последовательно, горячий, красноречивый; в этом деле он пустил в ход все свое искусство. Ему отвечал Корнелий Тацит очень красноречиво и – что особенно присуще его речи – σεμνῶς²⁶. (18) В защиту Мария опять говорил Фронтон Катий – замечательно, как того требовало само дело, но потратил больше времени на просьбы, чем на защиту. Вечер не оборвал его речи, но положил ей конец. Таким образом, прения сторон захватили и третий день. Прекрасен этот старинный обычай: сенат распускают на ночь; три дня подряд созывают, три дня подряд он заседает.

(19) Корнут Тертулл, консул, человек прекрасный и стойкий защитник истины, предложил семьсот тысяч, полученных Марием, внести в казну, Марию запретить въезд в Рим и в Италию, а Марциану еще и в Африку. В конце он добавил, что мы с Тацитом справились с возложенной на нас защитой с усердием и не жалея сил и, по мнению сената, оказались достойны этого поручения¹⁹²⁰. (20) Все назначенные консулы и все консуляры выразили согласие, кроме Помпея Коллеги²¹: он предложил внести в казну семьсот тысяч, Марциана выслать на пять лет, а Мария наказать только за взяточничество – к этому он уже был присужден. (21) Мнения разделились, но большинство, пожалуй, склонялось к этому решению – то ли более снисходительному, то ли более мягкому. Те, кто как будто уже соглашался с Корнутом, готовы были пойти за Коллегой, подавшим свое мнение после них. (22) Когда начали, однако, расходиться в разные стороны²², то стоявшие у консульских мест пошли в сторону Корнута, и тогда согласившиеся сопричислиться к Коллеге перешли туда же; Коллега остался в меньшинстве. Он потом очень жаловался на своих подстрекателей, особенно на Регула, который покинул его, хотя сам подсказал его предложение²³. Регул вообще человек непостоянный: он и чрезвычайно смел, и чрезвычайно труслив.

(23) Так закончился этот громкий процесс. Остается еще трудное λιτοῦργιον²⁷ – Гостилий Фирмин, легат Мария Приска²⁴²⁵. Он запутан в деле, и улики против него тяжкие. По счетам Марциана и по речи, которую он держал в городском совете лептитанцев²⁶, видно, что он приспособился служить Приску в делах гнуснейших; выговорил у Марциана пятьдесят тысяч

²⁶ Внуительно.

²⁷ Преступление.

динариев и, кроме того, еще взял десять тысяч сестерций с позорнейшей припиской: «на благо-вония». Такая приписка хорошо характеризует щеголя, занятого своей прической и кожей. (24) Решено было по предложению Корнута отложить его дело до ближайшего заседания сената; сейчас он случайно или сознательно, но отсутствовал.

(25) Вот тебе городские новости, напиши о деревенских. Как твои деревца, как виноградники, как посевы, как твои любимые овцы? Коротко говоря, если не напишешь такого же длинного письма, не жди впредь ничего, кроме коротеньких записок. Будь здоров.

12

Плиний Арриану¹ привет.

(1) Το λτοῦρυιον, остаток от дела Приска (я писал тебе об этом в прошлом письме), хорошо ли, плохо, но подрезано и подчищено. (2) Фирмин явился в сенат и стал оправдываться в преступлении, уже известном. Мнения консулов были различны: Корнут Тертулл² предлагал исключить его из сената; Акутий Нерва – отставить при жеребьевке провинций. Это предложение, как будто более мягкое, и было принято, на самом деле оно жесточе и печальнее. (3) Как горько лишиться почестей сенатора и нести только труды и тяготы этого звания? Как тяжело опозоренному не прятаться в уединении, а стоять на виду, всем напоказ, на такой высоте! (4) А затем, в интересах ли государства, к чести ли его допускать, чтобы человек, заклеянный сенатом, сидел в сенате, равный тем самым людям, которые его заклеили; чтобы отстраненный от проконсулата за подлое поведение в бытность легатом решал вопрос о проконсулах и, осужденный за грязную алчность, осуждал за нее или оправдывал других. (5) Так, впрочем, решило большинство. Мнения ведь подсчитывают, не взвешивают, да иначе и не может быть в государственном совете, где в самом равенстве столько неравенства! Разум не у всех одинаков, а права одинаковы.

(6) Я исполнил обещание, данное в прошлом письме. Судя по времени, ты его уже получил; я отдал его письмоносни³, который аккуратен, не любит задерживаться, разве что помещает в дороге. Теперь ты должен отблагодарить меня и за это письмо, и за первое – самым подробным письмом, которое только и можно прислать из твоих краев. Будь здоров.

13

Плиний Приску¹ привет.

(1) Ты жадно хватаешься за всякий случай оказать мне услугу, а мне никому не бывает так приятно быть обязанным, как тебе! (2) По этим двум причинам я и решил обратиться именно к тебе с просьбой, которую очень хочу, чтобы ты исполнил. Ты командуешь очень большим войском, поэтому у тебя широкая возможность оказывать покровительство и ты в течение долгого времени мог выдвигать своих друзей². (3) Оглянись на моих, на немногих! Ты предпочел бы, чтобы их было много, но я по скромности представлю тебе одного-двух, да нет, одного.

(4) Это будет Воконий Роман³; отец его в сословии всадников был человеком известным; еще известнее его отчим, вернее, второй отец (он получил это имя за любовь к пасынку), мать знатного рода. Сам он недавно был фламинем в Ближней Испании⁴ (ты знаешь, как строго судят о людях в этой провинции). (5) Я крепко полюбил его еще с тех пор, как мы вместе учились; он был со мной в городе, со мной в деревне; с ним я делил и серьезные занятия, и забавы⁵. (6) Нет друга вернее, застольника приятнее. Его речь, его лицо и выражение лица удивительно привлекательны. (7) Прибавь к этому высокий и тонкий ум, обходительность, обширное знакомство с судебной практикой. Письма он пишет так, что кажется, будто сами музы заговорили по-латыни. (8) Я очень люблю его, он меня не меньше. Уже юношей я ему, юноше, жадно стремился помочь, насколько по возрасту мог; недавно выхлопотал от наилучшего принцепса «право троих детей»⁶: он обычно дает его скупно и с разбором, но тут пожаловал, словно по

собственному выбору. (9) Услуги мои я могу закрепить, только прибавляя к ним новые, тем более что он принимает их так благодарно, что, получив одну, уже заслуживает следующую. (10) Ты видишь, каков этот человек, как хорошо я его знаю, как он мне дорог. Продвинь его, пожалуйста, по своему разумению и по своим силам и, во-первых, полюби его. Как бы много ты ему ни дал, больше своей дружбы ты ничего дать не можешь, а он достоин самой тесной близости. Чтобы ты лучше его узнал, я и описал тебе вкратце его занятия, характер, вообще всю его жизнь. (11) Я бы и дальше приставал к тебе, но ты не любишь длинных просьб, а я и так наполнил ими все письмо: просьбы убедительны, если приведены их причины. Будь здоров.

14

Плиний Максиму¹ привет.

(1) Ты прав: меня изводят дела в суде центумвиров, утомительные и не доставляющие удовольствия. В большинстве случаев это мелкие, ничтожные тяжбы; редко попадается дело замечательное по известности сторон или по своей значительности². (2) Кроме того, мало людей, с которыми приятно выступать; большинство – это нахальные, темные юнцы, которые пришли сюда декламировать³, причем так непочтительно и дерзко! Атилиий⁴, по-моему, метко сказал, что мальчишки начинают свои выступления на форуме с этого суда, как в школе с Гомера⁵: и здесь и там в основу кладут самое важное. (3) Клянусь Геркулесом! еще на моей памяти (так обычно говорят пожилые люди) тут не было места самым знатным юношам, если их не приводил с собой кто-нибудь из консуляров⁶: с таким уважением относились к этому чудному искусству оратора. (4) Теперь преграды, поставленные застенчивостью и почтительностью, сломаны: все открыто всем – юношей не вводят, они вламываются.

Слушатели под стать актерам: наняты и куплены. Они сговариваются с «подрядчиком»; посередине базилики спортулы раздаются так же открыто, как в триклинии, и за такую же цену из одного суда переходят в другой. (5) Не без остроумия этих людей называют Σοφοῦλεῖς; дано им и латинское имя «Laudiceni»⁷. (6) Гнусный обычай, заклеянный обоими языками, с каждым днем входит в силу. Вчера двух моих номенклаторов (они в том возрасте, когда только что надевают тогу) тащили кого-то хвалить – за три динария⁸. Вот за сколько ты окажешься красноречивейшим оратором! За такую цену на скамейках, сколько бы их ни было, не окажется пустого места, за эти деньги соберется огромная толпа слушателей, и когда предводитель хора подаст знак, поднимутся нескончаемые приветственные крики⁹. (7) Знак нужен людям, которые ничего не понимают, да и не слушают: (8) большинство не слушают, но так, как они, никто не хвалит. Если ты будешь проходить через базилику и захочешь узнать, как кто говорит, тебе незачем подниматься на трибуну¹⁰ и незачем слушать, – угадать легко: знай, что хуже всего говорит тот, кого больше всего восхваляют.

(9) Первый ввел этот обычай слушать Ларций Лицин, только слушателей все-таки приглашал он, как, помню, слышал от моего учителя Квинтилиана¹¹. (10) Вот как он рассказывал: «Я сопровождал Домиция Афры¹². Он говорил перед центумвирами, важно и медленно (это был стиль его речей), и услышал рядом неистовые, необычные крики. Он удивился и замолчал. Когда все смолкло, он стал продолжать оборванную речь. Опять крик, опять он умолкает – наступает молчание, и он начинает говорить. (11) В третий раз повторяется то же самое. Наконец он спрашивает: кто это говорит? Ему отвечают: «Лицин». Тогда он прекратил речь и воскликнул: «центумвиры, погибло наше искусство». (12) Афру казалось, что красноречие погибло, когда оно только еще начинало гибнуть, сейчас от него уцелели жалкие остатки. Противно вспоминать, каким ломающимся голосом произносятся речи, какими по-детски восторженными криками их встречают. (13) Не хватает только рукоплесканий, хотя, пожалуй, тарелки и бубны подойдут лучше к этому пению¹³; рева (я не могу иначе назвать восхваления, неприличные даже в театре) больше чем достаточно.

(14) Меня до сих пор удерживает здесь мысль о пользе друзьям и мой возраст: я боюсь, как бы не показалось, что я сбежал не от этого возмутительного зрелища, а просто от работы. Выступаю я, впрочем, реже обычного: с этого начинается постепенный отход. Будь здоров.

15

Плиний Валериану¹ привет.

(1) Ну как твое старое имение у марсов?² а как новая покупка? поля, ставшие твоими, тебе нравятся? Такое случается редко. Полученное радует меньше желаемого. (2) Материнские имения³ ко мне неласковы, но они материнские, и мне там хорошо. И вообще от долгого терпения я стал твердокожим. Хватит вечных жалоб; стыдно жаловаться. Будь здоров.

16

Плиний Анниану¹ привет.

(1) Ты, по своей обычной расчетливости, советуешь мне не считаться с табличками Ацилиана² (он назначил меня одним из наследников), потому что они не утверждены завещанием. Этот закон и мне не безызвестен, – он, впрочем, знаком даже тем, кто ничего другого не знает. (2) У меня есть, однако, собственный, для себя изданный закон: полностью соблюдать волю умерших, хотя бы законно и не оформленную. Таблички эти написаны рукой Ацилиана – это несомненно. (3) Пусть они не утверждены завещанием, для меня они утверждены, тем более что доносчику тут делать нечего. (4) Если бы можно было опасаться, что народ отберет мною розданное³, то мне следовало бы действовать осторожнее и не торопиться, но так как наследнику разрешено отдавать то, что ему досталось по наследству, то ничто не препятствует моему закону, которому не противоречат и государственные. Будь здоров.

17

Плиний Галлу¹ привет.

(1) Ты удивляешься, почему я так люблю мое Лаврентинум (или, если ты предпочитаешь, мой Лаврент). Ты перестанешь удивляться, познакомившись с прелестью виллы, удобством местоположения, широким простором побережья².

(2) Вилла отстоит от Рима в 17 милях, так что, покончив со всеми нужными делами, полностью сохранив распорядок дня, ты можешь там пожить. Дорог не одна: туда ведут Лаврентийская и Остийская; с Лаврентийской свернуть у четырнадцатого столба, с Остийской у двенадцатого³; и там и тут начинаются пески; в повозке ехать тяжелее и дольше; верхом приедешь скорее, и дорога для лошади мягкая. (3) Вид все время меняется, дорогу то обступают леса, и она тянется узкой полосой, то расстилается среди широких лугов. Много овечьих отар и лошадиных табунов, много стад крупного рогатого скота: зима их согнала с гор, и животные отъедаются травой на весеннем солнце⁴.

(4) На вилле есть все, что нужно; содержание ее обходится недорого. Тыходишь в атрий, скромный, но со вкусом устроенный; за ним в форме буквы «D» идут портики, окружающие маленькую милую площадку: в плохую погоду нет убежища лучше – от нее защищают рамы со слюдой⁵, а еще больше нависающая крыша. (5) Напротив веселый перистиль, а за ним красивый триклиний, выдвинутый вперед к побережью. Когда при юго-западном ветре на море поднимается волнение, то последние волны, разбиваясь, слегка обдают триклиний. У него со всех сторон есть двери и окна такой же величины, как двери: он смотрит как бы на три моря. Оглянувшись, ты через перистиль, портик, площадку, еще через портик и атрий увидишь леса и дальние горы.

(6) Слева от триклиния, несколько отступив назад, находится большая комната, за ней другая, поменьше; она освещена через одно окно утренним солнцем, через другое – вечерним (вечернее – стоит долго); море от нее дальше, и волны до нее не докатываются. (7) Угол между стеной этой комнаты и стеной триклиния залит полуденным солнцем; нагретые стены

еще увеличивают жару. Тут мои домашние разбивают зимний лагерь: тут у них и гимнасий; здесь никогда не чувствуется ветер, и надвинувшимся тучам надо совсем затянуть ясное небо, чтобы они оттуда ушли. (8) К этому углу примыкает комната, закругленная в виде абсиды; солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна. В ее стену вделан, как бывает в библиотеках, шкаф, где находятся книги, которые надо не прочесть, но читать и перечитывать. (9) Спальня рядом – через маленький коридорчик, откуда равномерно в обе стороны поступает здоровое умеренное тепло от нагретого пола и труб⁶. Остальная часть этого крыла предназначена для рабов и отпущенников; большинство комнат так чисто, что там можно принимать гостей.

(10) По другую сторону находится прекрасно отделанная комната, затем то ли большая спальня, то ли средней величины столовая; в ней очень светло и от солнца и от моря. За ней лежит комната с прихожей, летняя по своей высоте и зимняя по своей недоступности ветру. За стеной (она у них общая) другая комната, тоже с передней.

(11) Потом баня: просторный фригидарий с двумя бассейнами, которые, круглясь, словно выступают из противоположных стен. Если принять во внимание, что море рядом, то они даже слишком вместительны. Рядом комната для натирания, гипокауст, рядом пропнигий; затем две комнатки, отделанные скорее со вкусом, чем роскошные. Тут же чудесный бассейн с горячей водой, плавая в котором видишь море. (12) Недалеко площадка для игры в мяч, на которой очень жарко даже на склоне дня⁷. Тут поднимается башня с двумя подвальными помещениями и с двумя помещениями в ней самой, а кроме того, есть и столовая с широким видом на море, на уходящее вдаль побережье и прелестные виллы. (13) Есть и другая башня, а в ней комната, освещаемая солнцем от восхода и до заката; за ней большая кладовая и амбар⁸, а под ним триклиний, куда с разбушевавшегося моря долетает только гул, да и то замирающим отголоском; он смотрит на сад и аллею, идущую вокруг сада.

(14) Аллея обсажена буксом, а там, где букса нет, розмарином (букс очень хорошо растет под защитой зданий; на ветру, под открытым небом, обрызганный хотя бы издали морской водой, он усыхает); (15) к аллее с внутренней стороны примыкает тенистая дорога, мягкая даже для босых ног, оставляющих в ней свои отпечатки. В саду много шелковицы и смоковниц: для этих деревьев земля очень хороша, для других хуже. Этим видом из столовой, далекой от моря, наслаждаешься не меньше, чем видом моря. Сзади нее две комнаты, под окнами которых вход в усадьбу и другой сад, по-деревенски обильный.

(16) Отсюда тянется криптопортик⁹; по величине это почти общественная постройка, с окнами по обеим сторонам; в сторону моря их больше, в сторону сада меньше: по одному на два с противоположной. В ясный безветренный день они открыты все; когда с какой-то стороны задует ветер, их можно спокойно держать открытыми с той, где его нет. (17) Перед криптопортиком цветник с благоухающими левкоями. Щедрые солнечные лучи, отражаясь от криптопортика, становятся еще горячее: он и удерживает тепло и преграждает дорогу аквилону: насколько нагрета передняя сторона, настолько же противоположная холодна. Ставит он преграду и африку: ударившись о его стены – один об одну, другой – о другую, – они обессиливаются. (18) Поэтому в нем так приятно зимой, а еще больше летом: тень от него лежит до полудня на цветнике, а после полудня – на ближайшей к нему части аллеи и сада; она растет и умалывается вместе с днем: то укорачивается, то удлиняется с той и другой стороны. (19) В самом криптопортике солнца вовсе не бывает тогда, когда оно, пышущее жаром, стоит над его крышей. К тому же через открытые окна его продувает фавонием¹⁰: воздух в нем никогда не бывает тяжел и не застаивается.

(20) За цветником, криптопортиком, садом лежат мои любимые помещения, по-настоящему любимые: я сам их устроил. Тут есть солярий; одной стороной он смотрит на цветник, другой – на море, обеими – на солнце. Двери спальни обращены к криптопортику, окно – к морю. (21) Напротив из середины стены выдвинута веранда, с большим вкусом устроенная;

ее можно прибавлять к спальне и отделять от нее: стоит только выставить рамы со слюдой и отдернуть занавеси или же задернуть их и вставить рамы. Тут стоят кровать и два кресла: в ногах море, за спиной виллы, в головах леса: столько видов – из каждого окошка особый. Рядом спальня, где спишь и отдыхаешь. (22) Стоит закрыть окна, и туда не долетают ни голоса рабов, ни ропот моря, ни шум бури; не видно блеска молний и даже дневного света. Такая полная отключенность объясняется тем, что между спальней и стеной, обращенной к саду, проходит коридор: все звуки поглощены этим пустым пространством. (23) К спальне примыкает крошечный гипокауст, который, смотря по надобности, или пропускает тепло через узкий душник, или сохраняет его у себя. К солнцу обращены спальня с передней. Восходящее солнце сразу же попадает сюда и остается и после полудня, падая, правда, косо. (24) Когда я скрываюсь в этом помещении, мне кажется, что я ушел даже из усадьбы, и очень этому радуюсь, особенно в сатурналии¹¹, когда остальной дом, пользуясь вольностью этих дней, оглашается праздничными криками. Ни я не мешаю моим веселящимся домочадцам, ни они мне в моих занятиях.

(25) При всех удобствах и приятности этого места ему не хватает фонтанов. Есть колодцы, вернее, родники; они на поверхности. Природа этого побережья вообще удивительна: где ни копнешь, сразу же выступает вода, причем чистая, ничуть не отдающая ни вкусом, ни запахом морской воды. (26) В лесах поблизости дров сколько угодно; все припасы привозят из Остии, но человеку неприхотливому не надо ходить дальше деревни; она находится от меня через одну усадьбу. Там есть три платные бани: это большое удобство, если дома топить баню не стоит – или неожиданно приехал, или недолго пробудешь.

(27) Берег очень красят своим разнообразием усадьбы, которые идут то сплошь, то с промежутками; если смотреть на них с моря или с берега, то кажется, перед тобой ряд городов. Если море долго было спокойным, то песок на побережье становится рыхлым; чаще, однако, он отвердевает от постоянного злого прибоя. (28) Дорогих рыб в море нет; есть, однако, превосходная камбала и креветки. Нашей вилле припасы, молоко в первую очередь, доставляет и суша: сюда с пастбищ, в поисках воды и тени, собирается скот.

(29) Достаточно у меня, по-твоему, причин стремиться сюда, жить в этом месте, любить его?¹² Ты раб города, если тебе не захочется приехать. Если бы захотелось! Твое пребывание будет больше всего рекомендовать мою маленькую виллу и ее достоинства. Будь здоров.

18

Плиний Маврику¹ привет.

(1) Найти учителя детям твоего брата?² Мог ли ты дать мне поручение более приятное? Благодаря тебе я возвращаюсь в школу: я словно опять переживаю те чудесные годы; сижу, как бывало, среди юношей и проверяю, каким авторитетом пользуюсь у них за свои занятия. (2) Недавно в многочисленной аудитории в присутствии многих людей нашего сословия молодежь расшалилась и раскричалась всюду; я вошел – все замолчали. Я не упоминал бы об этом, не будь это больше к их чести, чем к моей, и не желай я тебя обнадежить: сыновья твоего брата смогут получить хорошее образование. (3) Остается мне переслушать всех учителей³ и написать тебе, что я думаю о каждом. Я постараюсь (насколько это достижимо в письме), чтобы тебе представилось, будто ты сам их всех слушаешь. (4) Мой долг перед тобой, перед памятью твоего брата выполнить дело – тем более такое – совестливо и усердно. Не важнее ли всего для вас, чтобы дети (я сказал бы «твои», но ты ведь теперь любишь их больше своих собственных) оказались достойны такого отца и тебя, их дяди? (5) Если бы ты не поручил мне эти хлопоты, я бы сам взялся за них. (6) Я знаю, что, выбирая учителя, навлечешь на себя много обид⁴, но ради детей твоего брата мне следует переносить не только обиды, но и вражду так же спокойно, как переносят их родители ради своих детей. Будь здоров.

19

Плиний Цериалу¹ привет.

(1) Ты уговариваешь меня прочесть мою речь перед многочисленным дружеским собранием. Я послушаюсь твоих уговоров, хотя сомнения у меня сильные. (2) Я хорошо знаю, что судебные речи в чтении почти не заслуживают имени речей, потому что теряют свою пламенную напористую убедительность, которая их и рекомендует. Оратора воодушевляют и собрание судей, и знаменитые адвокаты, и ожидание исхода, и славное имя не одного актера, и участие слушателей в судьбе разных сторон. Прибавь жесты говорящего, его манеру войти, ходить взад и вперед – эту живость движений, соответствующую каждому волнению души. (3) Поэтому те, кто говорит сидя², делают уже тем, что они сидят, свою речь слабее и незначительнее, хотя повторяют большую часть того, что говорили стоя. (4) Глаза и руки, так помогающие оратору, читающему не окажут никакой помощи. Неудивительно, если слушатели, не прельщаемые ничем внешним и ничем не уязвленные, засыпают.

(5) Добавь, что речь, о которой я говорю, полна боевого задора³. Природой уже так устроено: мы думаем, что написанное с трудом, с трудом и слушается. (6) И найдется ли такой понимающий слушатель, который не предпочтет приятную звучную речь строгой и сжатой?⁴ Этот спор вообще нелеп, однако, как это обычно и случается, слушатели требуют одного, а судьи другого, хотя, казалось бы, на слушателя должно оказывать особенное впечатление то, что больше всего взволновало бы его, будь он судьей. (7) Возможно, впрочем, что и в этих затруднительных обстоятельствах книга эта привлечет своей новизной – новизной для нас: у греков есть нечто – хотя и другое, но вообще сходное. (8) У них было в обычае упреки новым законам за их предпочтение старым опровергать сравнением с другими законами⁵. И мне пришлось, доказывая, что мои требования основаны на законе о вымогательстве, сопоставлять их и с этим законом, и с другими. Уши невежд ничто не ласкало, но речь понравилась людям, сведущим тем больше, чем меньше удовольствия доставила несведущим. (9) А я, если решусь цитировать, приглашу цвет учености.

Стоит ли мне читать? Обдумай еще хорошенько. Взвесь все мои доводы за и против и выбери решение разумное. В ответе будешь ты: меня извинят за любезное приглашение. Будь здоров.

20

Плиний Кальвизию¹ привет.

(1) Приготовь асс и выслушай прелестную историю, вернее, истории: новая напомнила мне о старых, а с какой я начну, это неважно.

(2) Тяжело хворала Верания, жена Пизона, того самого, которого усыновил Гальба. Приходит к ней Регул. Во-первых, что за бесстыдство – прийти к больной, которая его ненавидела и мужу которой он был заклятым врагом². (3) Хорошо, если бы только пришел! Он усаживается у самой постели и начинает расспрашивать, в какой день и какой час она родилась. Узнав, нахмурился, уставился в одну точку; шевелит губами, играет пальцами: что-то высчитывает. Долго мучил он ожиданием несчастную; наконец заговорил: «ты переживаешь критическое время, но выживешь». (4) Чтобы тебе это стало понятнее, я поговорю с гаруспиком; я часто с ним советовался³. (5) Тут же приносит жертву и заявляет, что внутренности подтверждают указания светил. Она, доверчивая, как и естественно для опасно больной, требует таблички и отписывает Регулу легат. Скоро ей стало хуже; умирая, она воскликнула: «негодяй! вероломный клятвопреступник, нет, больше чем клятвопреступник!» – он клялся ей жизнью сына⁴. (6) Для Регула это преступление частое: он привык призывать гнев богов (которых ежедневно обманывает) на голову несчастного мальчика.

(7) Веллей Блез, богатый консуляр, находясь уже при смерти, пожелал изменить завещание. Регул надеялся что-нибудь по этим новым табличкам получить: с недавних пор он принался обхаживать старика. И вот он уговаривает, умоляет врачей каким угодно способом про-

длить жизнь Блеза. (8) Когда завешание было подписано, он снял маску и с теми же врачами заговорил по-другому: «до каких пор вы будете мучить несчастного? вы не можете продлить ему жизнь; почему не даете умереть спокойно?»... Блез умирает, и будто он все это слышал, не оставив ему ни асса⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.